

На правах рукописи

КАЛИТКИНА ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

**ОБЪЕКТИВАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ
В ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск 2010

Работа выполнена на кафедре русского языка
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

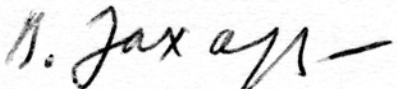
Научный консультант	доктор филологических наук, профессор Блинова Ольга Иосифовна
Официальные оппоненты	доктор филологических наук, профессор Белякова Светлана Михайловна
	доктор филологических наук, профессор Резанова Зоя Ивановна
	доктор филологических наук, профессор Шкуропацкая Марина Геннадьевна
Ведущая организация	ГОУ ВПО «Саратовский государственный университет»

Защита состоится 24 ноября 2010 г. в ____ ч. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34 а.

Автореферат разослан _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Л.А.Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование выполнено в рамках антропоцентрической парадигмы, которая фокусирует внимание лингвистов на видении мира, обусловленном языком, на связи языка и культуры и шире – на познании человека, подтверждая тезисы В. фон Гумбольдта о том, что язык есть выражение духа народа, что язык доказывает свою полезность как инструмент познания в науках о человеке.

Феномен времени лежит вне области эмпирии, тем не менее человек постоянно ощущает результаты его воздействия на мир. Время является одной из базовых категорий мышления. Однако понятие «время», рассматриваемое на уровне теоретической рефлексии, не тождественно дорефлексивной форме чувственности в рамках обыденного опыта.

Обыденная, повседневная действительность – это один из модусов человеческого бытия. В качестве языка повседневности целесообразно истолковать диалект: именно он обслуживает будничную речевую деятельность, коммуникацию в обиходно-производственной и семейно-бытовой сфере носителей традиционной культуры (далее – ТК). Диалектный язык, не являясь инструментом теоретического познания и мировоззрения, наделен когнитивной функцией. Диалект объективирует мыслительную форму опыта, а диалектный дискурс – надындивидуальный менталитет.

Большинство отечественных авторов трактуют дискурс, опираясь на работы Т.А. ван Дейка. Однако в последние годы предложено понятие институционального дискурса – «специализированной клишированной разновидности общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» (Карасик, 2000:46). Таким образом, дискурс можно интерпретировать как использование языка, за которым стоит национально и исторически обусловленная ментальность. Понятие дискурса предполагает корпус текстов, связанных не синхронностью во времени, а интенционально. Диалектный дискурс скреплен главным образом смыслами и семантическими отношениями повседневности, она же объединяет его тексты в коммуникативном и функционально-целевом отношении. Диалектный дискурс рассматривается в диссертации как сфера обыденного смыслополагания, неотделимого от эмоций и оценок, а диалект – как инструмент повседневных интерпретаций. Таким образом, семантическая система диалекта, воплощенная в его словаре и грамматике, и корпус текстов, отражающих коллективную практику носителей ТК, объективируют среди прочего и темпоральность данной культуры.

Термин «темпоральность» некоторые лингвисты употребляют исключительно в грамматическом ключе, но языковая связь со временем имеет и лексический план выражения. У истоков его изучения стояли работы А.П. Клименко, Л.В. Вялкиной, А.И. Моисеева. Сегодня существует круг публикаций разного масштаба – от статей до монографий, – рассматривающих темпоральные ЛСП и ЛСГ (А.Х. Аскарлова, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, Н.А. Потаенко,

Н.К. Рябцева, Е.С. Яковлева, М.А. Кронгауз, Г.В. Звездова, Л.Н. Михеева, С.М. Белякова и др.).

На диалектном материале вопросы синхронной лексической семантики времени рассматривают С.М. Белякова, Л.А. Новикова (тюменские говоры), М.М. Кондратенко (говоры ярославско-костромского Поволжья), В.А. Королькова (смоленские говоры), М.В. Костромичева (орловские говоры), Е.Г. Мельникова (псковские говоры), Е.В. Первухина (архангельские говоры), А.П. Шварц (пермские говоры), И.А. Попов описывает материал разных диалектных систем.

Проблема лексической темпоральности анализировалась и с позиций специфичных для русской языковой картины мира концептов (Ю.С. Степанов, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, Анна А. Зализняк и др.).

Оценка времени в славянских культурах стала одним из важных вопросов для представителей отечественной этнолингвистики. Исследователи описывают календарную традицию (С.М. Толстая, М.М. Валенцова, Е.Е. Левкиевская, А.А. Плотникова), феномен праздника как ипостась и единицу сакрального времени (С.М. Толстая, Г. Прохоров, Е.В. Добровольская), связь календаря ритуала (Т.А. Агапкина), календаря и православного культа (С.Ю. Дубровина).

Внимание М.Ф. Мурьянова, В.А. Плунгяна, В.Г. Гака, Н.А. Потаенко, Г.М. Яворской, Е.В. Падучевой привлек филогенез представления о времени.

Когнитивные потенции времени для структурирования и дискретизации мира исследуют Н.Д. Арутюнова, Т.И. Вендина, О.В. Евтушенко, Е.В. Рахилина, М.В. Никитин, Я.В. Свечкарева и др. Оязыковление времени рассматривается и с позиций активно формирующейся метафорологии (см. работы В.А. Плунгяна, В.Г. Гака, Е.В. Падучевой, Д.А. Катунина и др.). Пространственно-временную полисемию анализировал М.А. Кронгауз. О семиотических аспектах восприятия времени писали Ю.М. Лотман, Б.М. Гаспаров, Т.В. Цивьян, Б.А. Успенский, Ю.С. Степанов, Т.В. Топорова, В.В. Колесов и др.

Связующим звеном между собственно лингвистическим, когнитивным и антропологическим подходами является позиция Н.К. Рябцевой, которая, изучая сопряжение естественного интеллекта и языка, выходит на аксиологию времени. Ею обоснован вывод о том, что «темпоральное» мышление порождает значительный пласт «квазитемпоральной» лексики, содержащей в своем значении неявно присутствующий темпоральный смысл.

Сегодня наивной кажется мысль М. Сводеша (1955) о том, что слова, обозначающие явления природы, должны представлять универсальные понятия. Концептуализация времени, несмотря на его одинаковую данность всем людям, имеет культурные особенности и своеобразие. Тривиальными примерами могут служить способы деления суточного и годового циклов, неоднократно описанные лингвистами. Они включают в себя культурноспецифичные и лингвоспецифичные конфигурации идей.

Принцип изучения культурных традиций в их системных и функциональных (когнитивных, коммуникативных, социальных и т.д.) связях с языком и эт-

носоциальными компонентами жизни народа пытаются воплотить лингвокультурология, лингвофольклористика, лингвоантропология, этнолингвистика, этнопсихология, этнолингвокультурология, этнопсихоллингвистика. Они сопрягают разные дисциплинарные поля, опираясь на труды И.Г. Гердера, В. фон Гумбольдта, Г. Штейнталя, Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, К.С. Аксакова, Б. Малиновского, Д.К. Зеленина, Н.П. Гринковой, Э. Сепира, Б. Уорфа, Й.Л. Вайсгербера, П.Г. Богатырева, Э. Бенвениста, Р. Якобсона, Н.И. Толстого и др., где была подчеркнута связь традиций с языком – той частью культуры, которая в равной мере дана всем членам определенного сообщества. Таким образом, процесс междисциплинарного синтеза, сменивший размежевание гуманитарного знания в конце XIX – начале XX в., сегодня побеждает.

Все сказанное выше определяет **актуальность** междисциплинарного **исследования языкового воплощения темпоральности ТК**, которая пока не получила достаточного освещения в лингвистике. Темпоральность культуры мы понимаем как ощущение времени, которое пронизывает все ее стороны и порождает единицы, модели, образы, концепты, нормы, ценности, ожидания, связанные с ним. С операциональной точки зрения в данном понятии выделим два аспекта: «темпоральный профиль» и «темпоральные стратегии» ТК. Подобное членение носит условный характер и объясняется задачами описания полученных результатов.

Объектом данного исследования стала репрезентированная диалектным языком и отраженная в дискурсе темпоральная концептосфера ТК русских старожилов Среднего Приобья. **Предмет** исследования – языковые и дискурсивные средства, эксплицирующие концептуализацию времени. Форма прямого выражения (неграмматического) темпорального содержания – специализированная лексика, тем не менее денотативная сфера времени предполагает не только обращение к ключевым словам и их сочетаемости, но и к неявно присутствующему темпоральному слою в семантике единиц, к неспециализированным средствам выражения данного содержания (например, валентностным предпочтениям ряда предикатов), значениям, релевантным лишь в границах высказываний, текстов, соотнесенных с темпоральными нормами и стратегиями ТК.

Целью исследования является реконструкция и междисциплинарное многоаспектное описание фрагментов диалектной темпоральной концептосферы, детерминированной типом дискурса и сферой сознания, в которых она реализуется. Заявленная фрагментарность оказывается принципиальной и неизбежной, поскольку темпоральная концептосфера – объективно обширная часть ЯКМ, концептуализация же – сложный и неоднородный процесс, результат которого закрепляется многими средствами, а не только языком.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) описание междисциплинарных областей исследования (объема понятий «традиционная культура», «локальная субэтническая группа»);

2) выявление релевантных для ТК моделей, единиц и кодов времени на уровне семантической системы диалекта;

3) интерпретация биологического уровня времени как детерминирующего нормы, правила, ожидания, которые закреплены в диалектной темпоральной концептосфере и реализуются в дискурсе;

4) анализ концептуализации СТАРОГО, отражающей наиболее важные темпоральные нормы и стратегии ТК;

5) описание уникального диалектного возрастного концепта СТАРЫЕ (СТАРИННЫЕ) ЛЮДИ как воплощения этоса ТК.

6) анализ деактуализации диалектного концепта ГОДЫ₂ (ГОДА₂) как проявления динамики концептосферы ТК.

Источниковая база. Соотношение устного и письменного в культуре изучается со времен А. Бастиана, Э. Тайлора, М. Мосса. Применительно к России XX в. невозможно говорить о бесписьменном обществе, но в крестьянской ТК преобладает корпус устных текстов.

Устную традицию почти всегда обслуживает диалект. Н.И. Толстой увидел диалектную суть народной культуры и в том, что все ее материальные и духовные феномены и формы существуют в виде вариантов. Им выдвинута идея об этнокультурных диалектных ареалах, наряду с ареалами языковыми. При этом задачу реконструкции через языковую призму картины мира, свойственной ТК, нельзя решить лишь на базе собственно диалектных явлений, исключив остальные реально функционирующие в говорах единицы. Однако и утверждение, что та или иная черта присуща диалекту и локальной ТК, не исключает ее наличия в общенациональном языке и культуре.

Среднеобский диалектный архив сформирован материалами экспедиций, организуемых Томским университетом с 1946 г. по Томи и Оби и их притокам, где в XVII в. располагались Томский, Нарымский, Кетский и Мунгатский остроги с относящимися к ним населенными пунктами. В нем собраны записи речи носителей русских старожильческих говоров вторичного образования. К концу XX в. данные говоры вошли в число наиболее всесторонне изученных русских диалектных систем, и результат этой работы представлен в 16 разноаспектных многотомных среднеобских (томских) словарях.

В диссертационном исследовании материалы среднеобского лексикографического проекта (вместе с неопубликованными материалами архива) рассматриваются в качестве гипертекста бесписьменной ТК. Он носит спонтанный характер, отражая «потoki речи, которые сливаются с потоками сознания и потоком жизни» (Н.Д. Арутюнова), что позволяет манифестировать языковое сознание народа – именно ту его сферу, где проявляется отношение миру, его видение, его оценка.

Такое решение обосновано развитием всей гуманитарной мысли XX в. (1) Словари ввели в научный оборот тексты, которые представляют коллектив носителей языка, объединенный не только общим тезаурусом с тождественным набором понятий и семантических связей, но и территорией, и образом жизни

крестьянских общин. Еще Й.Л. Вайсгербер считал диалект самым простым случаем надпространственной и надвременной силы языкового сообщества – объединения людей помимо семьи, сословия и места жительства. (2) Методологически близка к этому позиция С.Е. Никитиной (2000), которая квалифицировала духовные стихи (стилистически пестрый текстовый массив, соотносящийся с разными эпохами и традициями) как единый текст на основании общей системы культурных, или семиотических, значений, вырастающих и надстраивающихся над непосредственной семантикой некоторых «избранных» слов текстов, а также системы оценок. (3) Данное решение перекликается с основной идеей современной философии (Ж. Деррида, М. Серто) о существовании субъекта и объекта культуры внутри изначально децентрированных, фрагментированных, нетождественных и дополнительных друг к другу текстов. (4) Специфика исследуемых текстов – их анонимность, полифоничность, принципиальное множество авторов – снимает субъективность личной позиции, неустраиваемую в тех случаях, когда результаты анализа «лингвоспецифичности», «ключевых слов культуры» и даже «национальной ментальности» покоятся на эмпирическом фундаменте письменных текстов элитарной культуры XIX–XX вв.

Массив словарных иллюстраций и архивных записей распадается на две группы текстов: коллективные фольклорные и индивидуальные бытовые. Для сбора последних применялись интервью всех видов. Получаемые в результате тексты представляют преимущественно ретроспективный дискурс. С позиций широко понимаемой синтаксической теории среди них преобладает жанр воспоминания и бытового рассказа, иногда их называют разновидностью «устной народной прозы», «устными рассказами», «меморатами». Они не свободны от субъективной трактовки (про)явлений ТК и часто окрашены эмоционально.

В терминах М.К. Петрова подобные тексты лежат на границе трансляции и коммуникации. Коммуникация возникает при рассогласовании наличного и должного состояния традиции и закрепляет нормы и правила, действующие в сообществе, при высокой степени подобия общающихся сторон. Трансляция направлена на уподобление новых поколений старшим, и степень подобия сторон при таком общении мала. Французские антропологи Ж.-К. Бувье, Ж.-Н. Пелен, Г. Равье предложили близкое понятие «этнотекст», считая его способом межпоколенной передачи значительной части именно региональной (локальной) культуры.

Достоверность полученных интервьюированием трактовок культуры оценивают полярно. Критическое отношение к интерпретациям традиции, полученным от ее «рядового» носителя, восходит к К. Леви-Стросу. В начале 1950-ых гг. он утверждал, что такие толкования почти всегда вторичны, будучи подведением рациональной основы под бессознательные коллективные представления. Мы находим принципиальной позицию К. Гирца (1973): трактовки ученых – это интерпретации второго и третьего порядка. Только «местный» человек может создать интерпретацию первого порядка.

Массив текстов диалектного архива эксплицирует ментальность ТК. Сегодня термины «ментальность», «менталитет» сближаются с понятием «этническая картина мира» (Н.И. Толстой, С.В. Лурье, М.М. Кром, Ю.Н. Караулов, Н.К. Рябцева, Л.Г. Гынгазова и др.). В качестве эмпирической базы для анализа менталитета с языковых позиций предложен разнообразный круг источников, и наиболее значимым среди них представляется «ментальное содержание и ментальная организация повседневного языкового содержания среднего россиянина» (Ю.Н. Караулов), поскольку не вызывает сомнений особая показательность реальной, неосознанной речевой практики. Очевидно, что диалектный дискурс – релевантная база для репрезентации языка повседневности, его содержания и организации.

Подходы к анализу эмпирической базы. В диссертации использована идея А. Вежбицкой об изучении специфики культуры с языковых позиций на базе ключевых слов, культурной разработанности той или иной сферы словаря и частотности определенных единиц. Методологически ясный принцип учета частотности, «коммуникативной выделенности» номинаций порождает, на наш взгляд, еще одну установку – учет разработанности (повторяемости) определенного дискурсивного мотива. Исследуемый диалектный дискурс предстает в качестве языкового преобразования коллективной практики, взаимодействия носителей ТК и выражает выработанную ею обобщенно-типическую точку зрения, иными словами, прямую норму или же тот отход от нее, порицание и отрицание которого дает представление об идеальном состоянии мира. Следовательно, регулярное возникновение того или иного мотива (темы) в текстах дискурса не может быть незначимым.

В последние годы Е.С. Яковлева, Л.О. Чернейко, А.Д. Шмелев, Н.К. Рябцева и др. подчеркивают особую ценность для изучения менталитета недискурсивных смыслов. В целом мы не отрицаем данную позицию. Более того, в обыденном языковом сознании абстрактные понятия и не имеют дискурсивного представления. В диалектном дискурсе как в сфере обыденного смыслополагания, в отличие от текстов элитарной культуры, нет рефлексии и над временем – абстракцией высокого уровня. Возникает вопрос: как же оценивать повторяющиеся описания одного и того же хроноощущения¹, сформированного в рамках ТК?

¹ В качестве примера приведем мотив (тему), который можно условно назвать «приходом времени». Время при этом выступает не как обезличенная абстракция, а фатальная сила (по Дж. Лакоффу), чье действие драматично, поскольку оно приближает конец сущего: *Я никогда не говорила, что убили бы его [мужа, бросившего семью]. Пусть живёт. Время придёт – так сдохнет. Осподи, Осподи; Пришло время одной жить. Скучно – и никуда не деваться; Я сижу сейчас тоже тухлый, время пришло умирать; Тяжело было: мужиков в армию всех забрали. Мы сами сеяли, жали. Трудно. Вот выжили. Счас жить хорошо бы, да вот умирать уже время [пришло]; Пришло время – ложись [в землю], батюшка мой; Под старось кака-нибудь болезнь приключится. И вот ослеп, износился, восемьдесят второй год. Уже время [пришло]; Вот я тоже кака разе плоха была, а износилась. Так и ко всему время [приходит]; Пока молоды-то [кержаки], живут в посёлке, а как умирать время приходит, их опрavляют на зацмки; Да нет, время пришло, и разбежались, оставили церковь под зам-*

В крестьянских сообществах – социальной базе ТК – особенно важны два механизма стабилизации: добровольное сплочение и давление группы на каждого ее члена. Они обеспечивают восприятие мира человеком с точки зрения, которая разделяется окружающими, и неостребованность личностного, индивидуализированного начала достаточно полно отражена дискурсом. Следовательно, однообразное и постоянное воспроизведение одного мотива (темы) принципиально, так как с содержательной стороны дискурс закрепляет денотативные области, к которым направлено внимание культуры и общества. При всей усредненности такие регулярно актуализуемые мотивы и обнаруживают своеобразие менталитета диалектоносителей. Этот вывод согласуется с уже введенным тезисом К. Гирца об «интерпретации первого уровня», принадлежащей носителю культуры. Таким образом, в отсутствии формальных средств для описания менталитета массовидность и инвариантность когнитивных и психологических стереотипов оказываются критериальным параметром. Мы видим в повторяемости мотива (темы) именно инвариантный стереотип, который верифицируется только значительным количеством анализируемых текстов.

С другой стороны, редкое обращение к каким-либо смыслам в предельном случае превращается в феномен умолчания. Установка на учет высокой разработанности семантической сферы и частотности единицы для определения фокуса внимания языкового сообщества не имеет «версии от противного»: низкая частотность номинации, отсутствие вариантов, невнимание к определенной теме в дискурсивной практике не свидетельствуют прямо о незначимости для культуры соответствующего фрагмента мира. Молчат и об очевидном, и об очень значимом. Молчание культуры амбивалентно.

Методы и приемы исследования: антропоцентрическая парадигма, прочно утвердившаяся в гуманитарных дисциплинах, предполагает интегральный подход к языковому материалу и значительное место «тренированной интроспекции лингвиста как познающей личности» (А. Вежбицкая) над анализируемыми языковыми формами. Ограничение интроспекции в случаях, когда исследователь не является носителем диалекта, компенсируется учетом описанных выше частотных мотивов (тем) дискурса, которые являются «интерпретациями первого уровня» носителей диалекта и культуры.

В работе применялись методы концептуального («когнитивно-семантического») анализа – комплекс процедур, имеющих целью реконструи-

*ками; Она [шишка] сама отпадыват. Вот она падалная. Она там отгорит, отопрёт, когда от жары. Время ей уже [пришло]; Зелёна-то не будет падать [шишка]. Дойдёт время. Данный мотив разрастается до эсхатологических описаний: *Время придёт: будет птица летать железна. Вот придёт время: будем из одной печки хлеб исть, весь батюшка – белый свет оттянется тенётами; Придёт то время, не будет ни птицы, ни рыбы, народ будет бесстыжий, беззаконство будет, безбожество.* Практически все тексты, в которых он реализуется, описывают разные по форме проявления конечности сущего в мире, независимо от характера грамматической объективации данного «прихода» – как уже совершившегося (*пришло, дошло*) или как прогнозируемого (*придёт, дойдёт*).*

ровать некую ментальную структуру на основе ее репрезентации в языке, и вскрыть спонтанную концептуализацию времени языковым сообществом. Его базовым принципом становится интерпретация сочетаемости средств выражения концепта, результатом – конструкт, обладающий свойствами отрефлексированной модели. При этом применялась методика выборки и группировки по идеографическому принципу единиц, соответствующих разным признакам концепта.

Использование дефиниций толковых словарей обусловило семный анализ лексики, а обращение к диалектному дискурсу сделало необходимым контекстуальный анализ речевого материала. В работе широко применялся общенаучный описательный метод и его приемы (наблюдение, интерпретация).

Научная новизна заключается в следующем.

Впервые темпоральность ТК рассматривается как культурный феномен, который не может существовать без посредничества языка.

Осмысление множественности способов интерпретации в рамках ТК темпоральной составляющей действительности впервые проведено с акцентированием этнокультурной (диалектной) специфики. Новым является и обращение к диалектному дискурсу как сфере обыденного смыслополагания и диалекту как инструменту повседневных интерпретаций, которое вскрыло прототипический характер локального варианта ТК.

Впервые время рассмотрено как вместилище не только уникальных событий, но и неуникальных, повторяющихся действий, обозначенных темпоральными глаголами. Продемонстрирован процесс секуляризации ментальности ТК через сопоставление концептов ВОСКРЕСЕНЬЕ, ПРАЗДНИК и ВЫХОДНОЙ (ДЕНЬ), вскрывшее наполненность / опустошение темпоральных континуумов, освобождение их от обязательных действий (деятельности).

В диссертации доказана исключительная значимость для диалектной темпоральной концептосферы уровня биологического времени, которым фундированы семиотические оппозиции «свойственность / чуждость» и «конечность / бесконечность».

Впервые предложено и обосновано различие интерпретации в диалектном дискурсе минувшего времени как СТАРИНЫ и ПРОШЛОГО (РАНЬШЕ).

Показано формирование концепта ПРЕДКИ на основе концепта профанного СТАРИКА через промежуточное ментальное образование «старшие компаньоны» как результат нарастания отчуждения от темпоральной сферы «вечного настоящего» и осмысления темпорального предела (начала) «своего мира».

Вскрыта репрезентируемая дискурсом взаимосвязь этических и мировоззренческих установок и ожиданий ТК (ее этоса) с концептуализацией уровня биологического времени на примере уникальных диалектных возрастных концептов СТАРЫЕ (СТАРИННЫЕ) ЛЮДИ и ГОДЫ₂ (ГОДА).

Впервые исследована концептуализация духовных аспектов культурной традиции, объективированная знанием. Описано распределение знания между представителями «своего» и «чужого» мира, а также ретроспективный / про-

спективный / атемпоральный характер релевантного для ТК знания. Выявлена вербализация сакральной / профанной трансляция традиции в диалектном дискурсе.

Впервые проанализирована динамика диалектной темпоральной концептосферы на примере концептов ГОДЫ₂ (ГОДА₂) и ГОДЫ₃ (ГОДА₃).

Теоретическая значимость. Диссертация вносит вклад в разработку лингвокультурологического исследования языка, при котором принципиальное значение приобретает введение языковых фактов в широкий междисциплинарный контекст. Этот методологический принцип позволяет существенно расширить и обогатить результаты исследования самых разных фрагментов концептосферы ТК. Дополнены методологические принципы выделения «ключевых» единиц (элементов) диалектной концептосферы.

Вскрытые в диссертации миромоделирующие функции ключевых темпоральных концептов, способом выражения которых выступают единицы с неявно выраженной темпоральной семантикой, углубляют осмысление частных вопросов когнитивистики.

Теоретически значимым является обоснование разделения темпоральности культуры на два взаимосвязанных аспекта (темпоральный профиль и темпоральные стратегии), способствующее развитию темпоралогии и ее метаязыка.

Выявление двухуровневого механизма трансляции традиции в диалектном дискурсе является вкладом в развитие культурной антропологии.

Практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть применены в учебно-педагогической практике, прежде всего в преподавании таких лингвистических дисциплин, как лексикология, диалектология, семантика, курсов междисциплинарного характера – лингвокультурологии, этнолингвистики, культурной антропологии, лингвострановедения, а также вузовских спецкурсов и спецсеминаров.

Наблюдения и выводы, сделанные в работе, значимы для сферы диалектной лексикографии.

Учет описанного в диссертации неявно присутствующего темпорального слоя лексической семантики важен при обучении русскому языку как иностранному.

Материалы диссертации могут выборочно привлекаться в качестве дополнительных в процессе преподавания дисциплин гуманитарного цикла, рассматривающих вопросы темпоральной организации философской и научной картины мира.

Положения, выносимые на защиту.

1) Семантическая система диалекта вскрывает тесную взаимосвязь ТК с циклическим временем, объективирующим «неновизну» мира. Когнитивная модель времени-вместилища допускает заполнение его повторяющимися действиями (деятельностью), которое репрезентируют темпоральные глаголы. Они выявляют единицы времени, релевантные для ТК, и вскрывают ее пороги прецизионности. Акциональное кодирование доказывает, что не только характер

действий (деятельности), но и наполненность / опустошенность времени действиями (деятельностью) влияет на его сакральный / профанный статус.

2) Биологический уровень времени порождает его линейную модель, ограниченную терминальными точками начала (рождения) и конца (смерти). Нормы, правила и ожидания, порожденные биологическим уровнем времени и репрезентированные в дискурсивной практике, связаны прежде всего с двумя семиотическими оппозициями самого высокого ранга: (а) свойственность / чуждость, (б) конечность / бесконечность. Непрерывно отчуждение «вечного настоящего» требует темпоральных скреп, обеспечивающих самоидентифицируемость человека и его «мы-группы».

3) Концептуализация СТАРОГО выявляет темпоральные нормы и стратегии ТК. Прежде всего они связаны с интерпретацией статичной СТАРИНЫ и динамичного ПРОШЛОГО, противопоставленных «вечному настоящему». В диалектном дискурсе СТАРИНА предстает темпоральным континуумом, который опредмечен преимущественно вещными / невещными артефактами, а континуум ПРОШЛОГО объективируют события. СТАРИНА выступает отчужденным сакральным смыслопорождающим временем, а ПРОШЛОЕ – временем присвоенным, профанным.

4) Возрастные концепты СТАРИКИ, СТАРЫЕ ЛЮДИ и ПРЕДКИ соотносятся со степенью отчуждения от «вечного настоящего». Уникальный диалектный концепт СТАРЫЕ (СТАРИННЫЕ) ЛЮДИ связывает темпоральную и этическую концептосферу ТК, реализуя двухуровневую передачу культурной традиции.

5) Темпоральная концептосфера ТК, манифестируемая диалектом, под давлением со стороны общенационального языка и связанных с ним типов культуры втягивается в процессы секуляризации, которые приводят к утрате уникального концепта ГОДЫ₂ (ГОДА₂). Деформация традиционной темпоральности оборачивается «выравниванием», унификацией времени и его отчуждением.

Апробация работы. Материалы по теме диссертации были представлены на Международном съезде русистов (Красноярск, 1997), Международной конференции «Этносы Сибири: язык и культура» (Томск, 1997), Международной научно-практической конференции (Бийск, 1998), Международных конференциях «XXI, XXII Дульзоновские чтения» (Уфа-Томск, 1999, Томск, 2000), Международной научно-практической конференции «Преподавание иностранных языков в поликультурном образовательном пространстве» (Томск, 2001), Международном симпозиуме, посв. 200-летию со дня рождения В.И. Даля (Владивосток, 2002), Международных научных конференциях «Язык. Время. Личность» (Омск, 2002), «Язык. Человек. Ментальность. Культура» (Омск, 2008), Международной научной конференции, посв. юбилею академика МАН ВШ, проф. О.И. Блиновой (Томск, 2006), III и IV Международных конгрессах исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2007, 2010). Основные положения работы также обсужда-

лись на Всероссийских научных конференциях «Американский и сибирский фронт» (Томск, 2001, 2004), Всероссийских научных конференциях (Челябинск, 2003, Новосибирск, 2003, Тобольск, 2005, Омск, 2008, Томск, 1996, 1998, 2003), а также на региональных конференциях «Духовно-исторические чтения» (Томск, 2000), «Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия» (Томск, 2006).

Структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка условных сокращений географических названий, а также списка используемых диалектных словарей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** диссертации обоснована актуальность работы, обозначены объект и предмет исследования, сформулирована ее цель и система задач, которые необходимо решить для ее достижения. Описана источниковая база и охарактеризованы подходы к ее изучению.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ» посвящена определению объема понятий, которые формируются на стыке нескольких самостоятельных гуманитарных дисциплин и оказываются важными для диалектной лингвокультурологии.

1.1. Традиционная культура. Данное понятие не имеет единого терминологического обозначения и строгой дефиниции. В определенном теоретическом контексте термины «традиция» и «культура» синонимичны. Разделяя вслед за Р. Редфилдом (1960) «большую традицию», культивируемую «школами и храмами», и «малую традицию», которая вырабатывается и поддерживается жизнью людей необразованных, не являясь объектом специального внимания и заботы, но взаимодействуя определенным образом с первой в рамках той или иной цивилизации, – мы считаем ТК одной из ипостасей «малой традиции».

ТК, будучи порождением земледельческих и скотоводческих общин, в течение тысячелетий медленно трансформировалась и все же оставалась тождественной самой себе и чрезвычайно жизнестойкой. М. Элиаде называет традиционное общество и его культуру не просто одним из цивилизационных модулей, а прототипом всякой культуры и всякого общества. В настоящее время ТК русских старожилов Среднего Приобья как целостная жизнеобеспечивающая система не существует, функционируют лишь отдельные ее звенья.

1.2. Локальная субэтническая группа. Формирование региональных (локальных) культур закрепляется не только территориальными, но и этническими основаниями, так как любой этнос распадается на группы разного таксономического уровня. Русские старожилы Сибири – это прямые потомки первых землепроходцев, зверопромышленников, служилых людей и крестьян, бывших выходцами преимущественно из северо- и среднерусских регионов Европейской России. В 1902 г. данная субэтническая группа выделена П.М. Головачевым, и к 1970-м гг. в среде отечественных этнографов, социологов и историков она стала общепризнанной.

1.3. Языковые основания самоидентификации человека. Самоопределение человека влечет за собой принятие определенной картины мира и системы ценностей. Региональная (локальная) идентичность, формирующаяся на базе земляческих представлений, ее основания и критерии изучены отечественной наукой слабо. У населения Западной Сибири, по некоторым данным, в процессе самоопределения доминирует критерий принадлежности к старожилам (чалдонам).

Кроме того, основанием идентичности является язык. Этнодемаркационная функция локального варианта языка описана немецкими диалектологами. В первой половине XX в. они доказали, что диалект – особая, по сравнению с литературным языком, форма освоения действительности, которая присуща сплоченным и отчасти замкнутым языковым сообществам, и вычленили ее конститутивные признаки – парцеллированность объектов познания, антропоцентризм, субъективизм, большую зависимость от внешних условий бытия, консерватизм. В 1950-е гг. Й.Л. Вайсгербер сформулировал фундаментальное положение: диалект есть языковое освоение родных мест, именно диалект превращает экзистенциальное пространство в духовную родину. Картина мира, репрезентируемая тем или иным диалектом, – не фрагмент национальной языковой картины мира, а ее субстрат. В 1995 г. Н.И. Толстой осмыслил диалект как лингвистическую, этнографическую и культурологическую единицу.

В настоящее время стоит задача принять духовное богатство, заложенное в русских говорах. На рубеже XX–XXI вв. рост внимания к нему диктуется мировым культурным контекстом: набирающие темпы процессы нивелирования, обезличивания и, как следствие, обезчеловечивания окружающего мира делают актуальным поиск специфического сочетания общих и местных особенностей существования человека. Своя (иными словами, локальная) интерпретация общего – необходимая константа для жизни сообщества и его членов, и диалекты отражают свое «направление народной мысли» (А.А. Потебня). Русское старожильческое население Сибири (Среднего Приобья) – одно из стабильных сообществ, которые скрепляют регион. Диалект объективирует членство человека в этом сообществе, поддерживая его горизонтальные и вертикальные связи и транслируя культурную традицию, и обеспечивает самоопределение человека.

ВТОРАЯ ГЛАВА «ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ТК» посвящена рассмотрению на материале семантической системы говоров моделей, единиц и кодов времени, релевантных для ТК Среднего Приобья.

2.1. Коды времени. Время как умозрительная сущность нуждается в маркировании, символизации средствами разных семиотических систем. Этот тезис сопоставим с представлением лингвистов о том, что в языке концептуализация идеальных сущностей и передача абстрактных смыслов идет через призму конкретных, данных в непосредственном наблюдении и ощущении предметов и явлений, ассоциируемых с ними.

В опредмечивании времени особую значимость имеют коды культуры. В гуманитарном дискурсе термины «код», «кодирование» приобрели смысл,

отличный от технической сферы. К понятию кода как способа обращения со значениями прибегают для группировки множества объектов, элементов, событий внешнего мира.

Среди культурных кодов времени, релевантных для ТК, прежде всего следует выделить акциональный код языковой / внеязыковой природы. Время – оболочка всего человеческого опыта, а он возникает в результате практики, действия. С языковых позиций одними из первых проанализировали культурологически значимые виды действий Ю.С. Степанов и С.Г. Проскурин (1992). Действия были противопоставлены ими не только по редукции / максимальной развертке соответствующих актантных структур, но и по типам порождающих культур: в архаических культурах земледельческого типа действия концептуализируются и ритуализируются как рекуррентные, повторяющиеся по календарному принципу.

Лингвисты издавна интересовались взаимосвязью времени и действия на уровне грамматической семантики, «внутреннего» времени глагола. Однако при анализе времени «внешнего» сложилась традиция выносить глаголы за скобки лексико-семантического класса русских темпоральных обозначений. С данной точки зрения интересен довольно узкий пласт глагольных слов. В терминах, введенных для классификации предикатов, это «деятельности», «занятия», «поведения». Среди них мы выделяем темпоральные глаголы, которые координируют обозначаемый процесс с темпоральными нормами, сформированными в ТК, концептуализируя время как некое вместилище. С позиций когнитологии вместилище – это понятийный инструмент для ментального освоения пространства, и здесь видна и связь пространства и времени, и их неустрашимое онтологическое различие: человек допускает существование пустого пространства, но не пустого времени.

Концептуализация времени как вместилища событий и фактов описана лингвистами неоднократно, в диссертации время анализируется как вместилище определенных действий, представляющих собой разновидность «темпорального поведения». Разумеется, повседневное существование человека не исполнено постоянно деятельностью, имеющей большое культурное значение. Чаще всего она лишь обеспечивает человеческую телесность. Далекое не все деятельности / действия / занятия оказываются при таком понимании обозначенными «темпоральными» глаголами.

2.2. Модели времени. Исследователи пока не договорились о металексике времени, которая терминировала бы результаты их осмысления данного феномена. В рамках хронометрии, хронологии, хронографии и хронософии используется широкий круг обозначений, не всегда имеющих дефиниции: «время как линейный и циклический процесс» (О.А. Черепанова), «системы», «модели», «понятия линейного и циклического времени» (Е.С. Яковлева), «циклическая и векторная временные картины мира» (Г.В. Звездова), «концепты циклического и линейного времени» (Ю.С. Степанов), «циклическое хроноощущение», «архетип времени» (А.П. Назаретян) и т.д. Наиболее употребительный

термин «модель времени» (иногда с определениями «абстрактная», «аксиологическая» и т.д.) имеет несопоставимый объем понятий, стоящий за ним в работах Н.Д. Арутюновой, Т.А. Агапкиной, Н.К. Рябцевой, С.М. Беляковой, И.М. Савельевой, А.В. Полетаева и др.

В диссертации под термином «модель времени» понимается способ упорядочивания данных объективной действительности, которым пользуются исследователи при экспликации своих построений. Модель – инструмент для систематизации описания, чрезвычайно востребованный в тех случаях, когда изучаются спекулятивные феномены. Модель – упрощенный и формализованный конструкт, воспроизводимая схема, которая представляет неочевидные связи и отношения. Ее определения в качестве «циклической», «линейной» и др. – это выражение ощущений культуры, господствующее в ментальности этноса представление об онтологической и когнитивной категории времени.

Картина мира и ее темпоральная составляющая во многом фундированы предметными системами, с которыми имеет дело человек. Конститутивной чертой ТК является ее преимущественное взаимодействие с биотическими предметными системами – объектами обыденной крестьянской деятельности. Помимо сезонности, труд, занятия, дела и обязанности в циклическом времени русских крестьян регулировались особенностями литургии. В итоге циклическое время и его части (континуумы) жестко определены хорошо известными человеку в силу их принципиальной «неновизны» действиями – предписанными, желательными, нежелательными и запрещенными.

2.3. Направление кодирования «от времени к действию». **2.3.1. Единицы времени.** **2.3.1.1. Профанные циклы.** Синхронное состояние среднеобских говоров позволяет выделить лексическую парадигму темпоральных глаголов *часовать* – (*зимать* / *зимовать* – *весновать* – *летовать* – *осеновать*) – *годовать* – *вековать* со значением ‘проводить, проживать называемое время’. Данная парадигма представлена в русских диалектах и современном литературном языке с разной полнотой. Она репрезентирует континуумы циклического времени, которые подверглись акциональному кодированию. Их объем остается в пределах «мещо-мира», детерминированного человеческой сущностью. Акциональным кодированием охвачены востребованные старожильческими общинами интервалы времени: это далеко не все профанные циклы, имеющие в говорах отдельную номинацию. Темпоральные глаголы эксплицируют пороги прецизионности ТК – век и час.

2.3.1.2. Сакральные циклы. Результаты их акционального кодирования выражает парадигма *праздничать* / *праздновать*, *вечерить* / *вечеровать*³, члены которой объединены значением ‘проводить (проживать) называемое время, как предписано традицией’.

Возможно ли «повышение точности кодирования», то есть изменение порога прецизионности ТК в денотативной сфере праздничных континуумов? Свой ответ на него дает каждый локальный вариант ТК при посредничестве своего диалекта русского языка. Влияние христианской литургии на календарь

привело к тому, что в ТК многие дни носят название по именам святых, память которых приходится на соответствующие даты. Здесь возможно включение акционального кода, хотя конкретные его реализации характерны не для всякой локальной традиции. С.М. Толстая отметила функционирующие в Полесье глаголы *андросити, варварити, савити*. В словаре В.И. Даля зафиксирован глагол *николить*, в Забайкалье функционирует лексема *прошничать*.

Дальнейшее развитие акционального кодирования времени в Полесье связано с хрононимом *Великдень* ('первый день Пасхи'; 'весь период Пасхи в целом'). Он предопределил возникновение темпорального глагола *великоднєвать* 'праздновать Пасху, о ткаческом инвентаре – оставаться на виду или с незаконченной работой во время Пасхи', который уже сближается со среднеобским примером. В Приобье акциональному кодированию был подвергнут континуум, введенный в корпус праздников ТК только в колхозный период под именем *День борозды / Борозда*, обусловивший появление диалектного глагола *бороздить*.

В недельном цикле отметим особый статус субботы: в рамках «народного православия» она выражает семантику «предпраздника», кануна: *Сегодня субботничают, завтра праздновать*. В одном из среднеобских говоров номинация *субботний день* имеет значение 'предпраздничный день' и может относиться к любому дню недели, кроме воскресенья: *Сѣдня субботний день. [Сегодня же четверг?] Ну четверг, ну субботний день. Субботничают, баню топят, полы моют [перед праздником]*.

На обозначенном фоне шло формирование концепта Выходной (ДЕНЬ), вызванное общим процессом секуляризации мира, который набирает темп с конца XIX в. В его рамках туризм занимает место паломничества, десакрализуя пространство; диета – поста, десакрализуя пищу; досуг – праздника, а выходной (день) – воскресенья, десакрализуя время. Оно избавляется от обязательных действий, точнее говоря, опустошается.

Теоретическая мысль начиная с Аристотеля трактует бытие как присутствие, наличие. Следовательно, пустота есть небытие. Христианство считает небытие, «ничто» основанием зла. Лингвисты отметили, что в семантическое поле зла попадают слова, отражающие пустое (*суетность, болтовня, бесплодность*), и воспроизводимые в речи конструкции с негаторами: *сердца нет, характера нет, ни кожи ни рожи, без царя в голове*. На уровне обыденного сознания также отрицательно оцениваются и всевозможные проявления пустоты, представленные единицами с номинативным признаком 'пустой' (*пустолай, пустое перо*) и прескрипциями ТК.

Именно поэтому опустошенное время выходных, в отличие от воскресного времени, не знает запретов на деятельность. Норма вырабатывается для сфер, которые важны, незначимое же не достойно упорядочивания. Континуум выходного дня – это время, над которым всего лишь не властны другие люди: *В выходной пойдѣт поработат [сын] – пийсят рублей заработат*. Праздник *празден* от рутинной работы, но не от обязанности человека заменить ее други-

ми действиями. В результате он не опустошен, *не опростан*: *простое время, пора, дни* – названия будней. Грех – не только работать в праздник, грех – не праздновать. Собственно поэтому праздник – это и не свободное время. Свобода тоже связана с пустотой: *А Таня говорит, Сивохина: «Ты бы их [солёные огурцы] под берег выкинула, лучше бы».* *Да я говорю, банка бы просвободилась.*

Однако инициаторы деятельности будничной и праздничной различны: работать заставляет человек (*А отец мужчины был видный да красивый, работающий. Работал здорово, нас подгонял*), праздновать человек заставить не может, это – задача традиции (*Молодёжь плясали и пели, кругом [хороводом] ходили. А сейчас не знаю праздник: то ли будня, то ли праздник*).

Можно ли говорить о «реакции языка» на единицы *воскресенье* и *выходной* (*отгул, отпуск*)? Ответ вновь положительный. Сакральное время, несмотря на его роль темпорального первообраза, эталона, может быть *трудным, тяжёлым, горьким, голодным*, но оно не может не быть. Его нельзя отменить, в отличие от профанных выходных дней (*Сын помер год [назад], другой. Три дочери. Крутись, как змея на огне. В колхозе-то нет выходных*). Праздник же *бывает, будет, был*. Сочетаемость лексем *отпуск, отгул, выходной* с глаголами *взять*₆, *брать*₄, *получить*₁, *дать*₁ манифестирует тождество этого свободного, но десакрализованного времени с вещью. Изначально данное «вещеподобное» время принадлежит кому-то другому, и каждому его *предоставляют* другие люди. Владельцы такого времени могут самовластно (*от*)*давать* или *не (от)давать* его, действуя по своей воле.

Сакральное же время праздника и воскресенья не допускает подобного обращения с ним, не завися от воли человека и не подчиняясь ей. Нельзя **дать, брать, взять, получить воскресенье (праздник)*, нельзя его иметь. Правда, самостоятельность человека может проявляться в обете праздновать, в предназначении какого-либо профанного времени отныне и навсегда для праздника. Подобный акт волеизъявления всегда однонаправлен, его нельзя затем отменить: став сакральным, время превращается в самодостаточную сущность и ценность: *Оброчны дни. Ибрекут, что в этот день будет праздник*.

Соотношение человеческой воли, деятельности и времени язык объективирует также через пассивную / активную модель его движения. В отпуск, отгул человек *идёт*, из них *выходит*. И если сомнительна конструкция **подошёл, настал отпуск*, то сочетаемость **пойти, отправить, отпустить в праздник* и **выйти из него* прямо невозможна. Способ обращения с сакральным временем в среднеобских говорах называют глаголы *выполнять, исполнять, справлять, устраивать, держать, придерживать, соблюдать, наблюдать, отмечать, почитать*, при этом неважно, религиозный или же светский праздник является объектом, на который направлено действие человека. Внутренняя форма единиц репрезентирует отношение ко времени: долг человека метить, блюсти, чтить, строить, править и поддерживать его и его экзистенциальную полноту. Профанное свободное (и несвободное) время всего лишь *проводят, коротают*.

Привлекает внимание еще один способ обращения с праздничным временем. Праздник, как и свадьбу, именины, день рождения, юбилей, крестины, проводины, встречины – темпоральные континуумы, заполненные обрядами перехода, – гуляют. В ТК не каждый праздник предполагал такое времяпрепровождение, поэтому сформировался особый статус *гулебного / гулёбного / гулёмного / гулящего праздника*: *Гулебный праздник был в Петров день; Масленку гуляли. Самый гулёбный праздник*. Данная когнитивная модель включает и предикат *бегать* в значении ‘проводить время вне дома в развлечениях’: *У нас вот Нина каждый [Новый] год бегат, тоже и счас всё шулюкиными [ряжеными]. Дочь, дочь. Да чичас они с зятем наряжаются и идут. Да кто чем, чем оденется, там всяко-разно оденутся там. Конечно [смешно]. По всёй ночи бегают, пока не напьются*. Оба глагола опредмечивают сложную связь воли, пространства и времени.

Отсутствие глагола **будничать* – это проявление немаркированности слабых членов семиотической оппозиции.

2.3.2. Полисемия кодов. На уровне недельного цикла, состоящего из дней, обнаруживается полисемия акциональных кодов культуры. День – символ времени как такового, и темпоральные маркеры *эти дни, те дни, это время, то время* изофункциональны. День является темпоральным ориентиром настоящего и его «окрестностей» (*сегодня, по сей день, на днях, напередни*). Он участвует в концептуализации темпоральной оценки деятельности (*день о дню* ‘постепенно’, *день ото дня* ‘постоянно’, *одним днём* ‘сразу’, *редкий день* ‘редко’, *через день да каждый день* ‘постоянно, очень часто’, *обыдёнкой, на обудёнку* ‘в течение одного дня’, *как один день* ‘коротко, мгновенно, незаметно’, *не день да не время* ‘недосуг, некогда’). День – второй после века символ человеческой жизни (*на наших днях, на нашем веку, на нашей живности*) и мера существования (*обудёнка, обыдёнка*).

Дни имеют свое «лицо» и «имя» в двух системах (в недельной и литургической годовой), а в рамках Страстной и масленичной недель отмечены особым названием. «Лицо» дня, помимо общей оценки (*худой, плохой / хороший*) может определяться и частной оценкой (см. работы С.М. Толстой, Т.А. Агапкиной и др.). Наиболее распространенной в Среднем Приобье является акциональная специализация дня: он может быть *гулёбным, обманным, оброчным, поминным, прощёным, умершим*. Как же выглядит день в «глагольной одежде»?

Дневной континуум, находясь между полюсами века и часа, еще достаточно объемён, чтобы быть наполненным разнородными действиями, но уже достаточно мал, чтобы детерминировать их большую конкретизацию. Срединное положение влечет за собой увеличение (или размывание?) прототипических дневных действий. Профанные *дни* – сама суть *повседневности, обыденности, будней, будённых дней*, о чем свидетельствует номинативный признак, положенный в основу этих понятий. Философы считают, что структура повседневности подразумевает три элемента и все они связаны с поддержанием человеческой телесности. Это пища, эротические отношения и труд. Повседневность яв-

ляется основанием любого типа культуры, но всякий из них имеет свои пределы «говорения» и «называния». Что же культура эксплицирует при помощи языка в рамках дневного континуума? Работу (отказ от нее), еду (отказ от нее) (*субботничать, средопятничать*). Иными словами, день вновь концептуализируется как вместилище профанного. Именно поэтому прорыв в сакральное время связан с перевертыванием обыденности, и чем более и весома, значима доля священного, тем значительнее изменение привычной деятельности: *Служат всю ночь в церкви, поели утром, разговяются и спать начинают ложиться*.

Полисемия кода наблюдается и на «внутридневном» («внутрисуточном») уровне. В среднеобских говорах пополняется редуцированная в литературном языке парадигма *дневать – вечеровать / вечёрничать – сумерничать – полуночничать – ночевать*. Н.И. Толстой (1995) выявил более дробную отмеченность наиболее опасного зимнего и ночного времени. Как видим, оно маркировано и глагольными единицами: в литературном языке существует парадигма *сумерничать – полуночничать – ночевать*, в говорах *вечёрничать / вечеровать – сумерничать – ночевать* при низкой частотности глагола *дневать* и отсутствии **утревать, *утренничать*. Можно говорить о сопоставимости «утрат» во внутригодовой и внутрисуточной парадигме.

Вторым направлением для акционального кодирования становится пища. Пищевая традиция строго регламентирована в рамках любой культуры на многих основаниях, в том числе темпоральных. Это порождает в среднеобских говорах на фоне атемпоральных глаголов *есть, столовать(ся), трапезничать* парадигму *утренничать – дневать₂ – полдничать / полудновать – вечерничать₂ / вечеровать / вечерять* со значением ‘проживать континуум, заполняя его соответствующим трапезничаньем’.

2.4. Направление кодирования «от действия ко времени».

Н.К. Рябцева (1997) ввела понятие «квазитемпоральных» единиц, содержащих в своем лексическом значении неявно присутствующий темпоральный смысл. Подобную импликацию времени мы считаем основанием «сужения» акционального кода. Данный механизм связан с отмечавшейся выше «неновизной» цикличного мира и всех его структурных элементов: ситуаций, событий, процессов и т.д. В фокус языкового внимания при этом попадают производства, ремесла, промыслы, породившие затем профессии. Развитие цивилизации и усложнение социальной жизни все ощутимее снижает зависимость профессиональной деятельности от годового цикла. На этом фоне промыслы ТК, как и земледелие, сохраняют жесткую цикличность. В среднеобских говорах выстраивается парадигма предикатов, которые называют темпоральную и атемпоральную деятельность в разных предметных сферах: *бондарничать, врачить, дворничать, дворовать, кашеварить, коновалить, конюшить, кочегарить, кузнечить, кухарить / кухарничать, лесовать, мирношничать ‘побираться’, огородничать / огородничествовать, пастушить / пастушничать / пасечничать / пастевать, плотничать, поварить, портничать / портняжить / портнячить, почтарить, прислужничать, пчеловодить, сапожничать, скотоводствовать,*

столярничать, сторожевать, хозяиновать, шахтёрить, шворничать ‘шорничать’, *шоферить, ямщичить*.

«Промысловые» парадигмы более ощутимо связаны со временем. (1) таежный промысел представлен предикатами *таёжничать, охотить / охотничать, браконьерничать; белковать, бурундуковать, зверовать*₁ ‘охотиться на различных зверей’, *зверовать*₂, ‘охотиться на медведя’, *кротовать, лисовать / лисятничать, лосевать, рябковать, соболевать, утковать, утятничать, хорьковать; крюковать, петлять, черканничать*. (2) речной -- предикатами: *багрить, блеснить, ботать / ботить / ботовать, броднить, куревать, леснить, лучить, неваживать / неводит / неводнить, острожить, самоловничать, сачать, сетничать, стрежевать, чердачить / чердачничать; карасевать, стерлевать / стерляжничать*.

Итак, взаимосвязанные механизмы кодирования и объективации времени порождены и контролируются человеческим взглядом на мир. Способы (взаимо)действия человека с миром – поставщик темпоральных «мер» и «форм». Они увеличивает в рамках ТК роль циклической модели времени, связанной с принципиальной «неновизной» действительности. Крестьянское бытие оказывается настолько непреложно циклическим, что в ряде глаголов, обозначающих производственную деятельность, имплицировано внешнее время.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ «ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ТК» подвергся анализу наиболее значимый для данного типа культуры биологический уровень времени.

3.1. Уровни организации материи и уровни темпоральности. В XX в. был выдвинут постулат об иерархии онтологической структуры мира: неживое, живое, душевное и духовное – вот уровни бытия, и каждый высший базируется на низшем. Идея изофункциональности уровней организации материи и темпоральных отношений приводит к выделению физического, биологического, исторического, социального, а также культурного уровня времени.

3.2. Биологическое время. Биологический уровень времени, связанный с терминальными точками рождения и смерти, порождает концепт ВОЗРАСТ. Классические работы А. ван Геннепа, Б. Малиновского, М. Элиаде, М. Мид, Ф. Ариеса, А. Щютца, К. Гирца, Л.Н. Гумилева, Т.А. Бернштам и др. показали, что большинство известных сегодня культур так или иначе концептуализирует количество прожитых лет. Более того, следует говорить о динамике внимания культуры к разным возрастным стадиям, о смене фокуса их восприятия.

Языковая призма преломляет концептуализацию возраста культурой через (1) приписывание данного атрибута определенным объектам, (2) плотность соответствующих номинативных полей.

3.3.1. Семиотическая оппозиция «начало / конец». Биологическим уровнем времени детерминирован ряд оппозиций в семантической системе языка. Наиболее абстрактной является оппозиция «начало / конец». Большинство имен натурфактов и артефактов свободно от ассоциаций и коннотаций, связанных с началом или концом. И все же семантическая система диалекта позволяет

утверждать, что культура идеационного типа из двух терминальных состояний вещного объекта более склонна выделять не начало, а конец, иными словами, старость. В силу конститутивных черт ТК, рассмотренных в первой главе, концептуализация СТАРОГО в ней должна иметь свои особенности.

3.3.2. Старые артефакты. 3.3.2.1. Вещь как «оплотнитель мира». С когнитивных позиций вещь – один из тех исходных концептов, которые структурируют чувственно познаваемую действительность. Только на рубеже XIX–XX вв. логико-философские основания новой научной картины мира позволили Л. Витгенштейну сформулировать тезис о том, что мир – целокупность фактов и событий, а не предметов. В наивной же картине мира именно вещи – составные части мира. Закономерно, что для традиционного сознания, представленного семантической системой естественного языка, присутствие во времени вещей зачастую не отделено от существования в нем живых объектов.

3.3.2.2. Темпоральные нормы ТК («жизненный путь» профанных вещей). Вещь – отдельный объект, созданный для удовлетворения потребности человека. Именно назначение творит вещь, утратив его, она обесмысливается, «развеществляется». Казалось бы, вещь постоянно обладает тождественной функцией и идентичной субстанцией. Однако это не так: «старение» и «старость» меняют их. Темпы морального устаревания артефактов, вероятно, один из самых ярких признаков типа культуры.

В языке функционируют специализированные единицы, обозначающие старые артефакты. Наиболее разработаны (заполнены) номинативные поля старой одежды и обуви. Повседневная, рабочая одежда и обувь – составляющие профанного «вещного мира» ТК, близкого человеку настолько, что в магических практиках они часто служат «заместителями» хозяина, что достаточно подробно описано этнографами. Тысячелетняя практика использования одежды детерминирует когнитивную модель, положенную в основу осмысления и репрезентации следующих друг за другом состояний любого вещного объекта (*износа*). Результат постепенного превращения вещи в негодную получает языковое выражение и при помощи темпоральных определений.

Концептуализация старости артефактов вскрывает еще один уровень связи пространства и времени. В.Н. Топоров (1996), Е.В. Рахилина (2000), рассмотрев позиционные локативные предикаты, сделали сопоставимые выводы: при выборе глагола *стоять / лежать* синхронной семантической доминантой является вовсе не топология описываемого объекта, а его функциональность. Диалектный материал позволяет развить эту мысль: на характер пребывания вещи в пространстве влияет не только его (не)использование, но и время, которое язык, объективируя, сопровождает оценкой. Нестарая вещь, даже не используясь, не функционируя, *лежит* и может *залежаться* ‘устареть в процессе хранения (лежания)’, но когда она была определена на «лежание», она не считалась старой. В среднеобских говорах концептуализацию лежания нестарого поддерживают и другие единицы. *Валяться* – это прерогатива старых вещей, способ их бытия. Диалект свидетельствует о тесной связи между состоянием

мира *завал*, самими *заваливающими* / *завалёженными* вещами и местом их локализации *свалкой*, *отвалом*, куда они попадают, когда человек их *сваливает*, *валит*. Профанный мир переполняют не только старые артефакты, равным образом его выводят из нормативного состояния, загромаждают и старые натурфакты (*валежник* / *валёжник*), скопление которых также мешает миру функционировать, а человеку работать в нем.

Поскольку старые вещи не дают миру существовать как положено, они подлежат уничтожению или удалению из личной сферы, из «своего мира». Их отчуждают, *бросая*. Таким образом, «развеществившиеся» от воздействия времени вещи превращаются в *бросовые* / *брошевые*. Последняя стадия жизни вещи (или уже ее смерть?) обозначается единицами *барахло*₁, *хлам*, *хламьё*₁, *отвал*₁, которые отмечены семой собирательности. Вещи в терминальной стадии, оставаясь дискретными, уже не достойны индивидуальных имен.

Таким образом, темпоральное определение *старый* актуализует прежде всего семы ‘дряхлый’, ‘выработанный’, ‘ненужный’.

3.3.2.3. Темпоральные стратегии ТК. Классической ТК не свойственна идея намеренной консервации артефактов прошлого, поскольку они лишены утилитарной ценности (исключение – сфера сакрального, где старость (иными словами, время) увеличивает ценность и «силу» объекта). Появление реликвий – это, как правило, результат намеренного присвоения чужих вещей, которые объективируют некое абстрактное «прошлое вообще», чужую жизнь. Собственные же старые вещи, оказавшись почему-либо не выброшенными, опредмечивая минувшее, обладают еще одной функцией: они утверждают самотождественность человека во все быстрее меняющемся мире.

В диалектном дискурсе темпоральное определение *старый* по отношению к их именам меняется на *старинный* / *старинский*. Оно является единственным средством выражения положительных коннотаций, связанных с конечным этапом существования вещного объекта, поскольку большинство артефактов не могут похвалиться номинациями, обозначающими ту или иную стадию их экзистенции, а «старость» связана с утратой качеств, присущих норме.

3.3.3. Онтология и статус (аксиология) старины. Темпоральное определение *старинный* может соединяться с именами артефактов в широком понимании термина – объектов культуры духовной, непредметных сущностей. К ним относятся все знаковые системы, то есть языки. Центральное место здесь принадлежит вербальному языку, а применительно к ТК – родному диалекту (говору). В старожильческой ТК ядром концептуального слоя «язык» является концепт СЛОВО, репрезентированный единицами *имя*, *слово*, *название*, *нарекание*, *разговор*, *поговорка*, *выражение*.

Кроме того, артефактом является сама традиция. Данное понятие охватывает объекты социокультурного наследия, процессы и способы социокультурного наследования, определенные культурные образцы, институты, нормы, ценности, обычаи, обряды, стили и т.д. За пределами теоретической рефлексии и элитарной культуры традиция воспринимается как некое мироустройство.

Это та самая «малая» (Р. Редфилд) или «неформальная» (Я. Ассман) традиция, которая растворяется в лишенном теоретизирования, но не рациональности повседневном существовании. В среднеобских говорах концепт ТРАДИЦИЯ представляет парадигма *вера, закон, заведение / завидье, обхождение, рассудок, поверья, обычай / обычае / обычье / обвычка, завычина / завычка, порядок, образец, слава, мода*.

Традиция существует во времени, и чем она старше, тем более уважаема и престижна, отсюда стремление «мы-группы» удлинить свою историю: *Наши дедушки тут жили, ещё Москвы не было первоначала* (Пар. Тюкт. 1959). При этом традиция пытается преодолеть, отменить время, передавая духовный опыт в его неизменности. Антропологи и социологи считают временную непрерывность традиции основой идентичности. Однако вопрос об изменчивости (устаревании) традиции решался А.Л. Кребером, Э. Шилзом, Д. Гроссом и др. по-разному. За рамками научной рефлексии он не корректен. «Наивную», «естественную» онтологию традиции манифестирует язык, и способность слов, в которых «заключен» (А. Вежбицкая) данный концепт, сочетаться с темпоральным определением *старинный, старый* и их синонимами влечет *ipso facto* и определение *новый*, поскольку эти лики темпоральности взаимообусловлены: *Слышала, когда Никон-то приял веру-то, слышала? Он... написал новый закон. Скоко кержачков пересадили; У нас обряд-то всё по-старинному, по новизне не заводим. Языковое сообщество принимает идею о «преходящем» характере традиции, несмотря все декларации о ее «вечности», непрерывности в диалектном дискурсе.*

Определение *старинный*, в отличие от *старый*, задает и закрепляет в ТК темпоральный слой. Само существование *старинного* – случайность, а его исчезновение, утрата, которые могут зависеть от чего угодно, воспринимаются как закономерность, норма. Наличие старого артефакта банально, и в дискурсе акцентируется только старость, то есть негодность или непрестижность вещи. Присутствие в мире артефакта старинного всегда подчеркивается как девиация, отклонение от законов бытия: *Тут хотели установить дом такой, [а] кто же его старинный выстроит! Из старья никто строить не будет.* Следовательно, исчезновение вещей – способ измерения времени. На временной оси область СТАРИНЫ локализована и опредмечена массовым присутствием в ней «старинного».

Наконец, старину объективируют факты: *Косили руками траву, сено гребли. Всё в крестьянстве делали. Молотили, вот в старину молотили.* В логико-философских работах XX в. осмысление факта шло в рамках сегментации потока происходящего и моделирования его типовых единиц (Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Р. Карнап, З. Ведлер, Дж. Остин). Лингвисты (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова) считают факт единицей не онтологической, а эпистемологической, факт – «результат погружения мира в сознание человека», в отличие от события, которое есть результат погружения человека в мир.

3.3.4. Старина vs. прошлое. Темпоральная область старины для ТК с ее ориентацией на вечность (как иначе трактовать циклическое время?) выступает в качестве образца, матрицы бытия: ведь точка отсчета, на которой располагается демиург (смыслообразующий центр), помещена в прошлое, во время первотворения мира. В ТК статус СТАРИНЫ (*старинки, старешки*) фундирует положительные коннотации и оценки: *Деды, отцы так жили. Так эта старешка и сила* (Зыр. Зыр. 1959), отрицательные крайне редки: *Это всё старинка, дурница* (Мар. М. Ант. 1960). В результате у лексической единицы *старинный* нет семы 'ненужный'.

Темпоральное определение *старинный* становится декларацией инаковости, отличия, разницы – вплоть до чуждости артефакта для окружающей действительности. В старожильческой ментальности инаковость и небытие старины дополнительно подкреплены резким сломом всех жизненных структур в результате социально-политических событий начала XX в. Отличие старины, а также ее «открывающая» граница поддержаны и сменой календаря. Носитель традиции, локализуя православные праздники, чаще всего не пользуется «новым» календарем (стилем). В чем причины подобной дискурсивной стратегии? Может быть, ее оправдывает то, что старины в сегодняшнем, «новом» бытии как раз не существует. Испожинки, Сороки святые, Богородичный день и пр. вроде бы и наступают в положенные им сроки (*Рождество зимой было. Всё теперь прошло [исчезло]. Рождество подойдёт и пройдёт*), но, не объективируясь соответствующими действиями (см. главу 2), в своей онтологической полноте на самом деле пребывают в небытии, вернее, в темпоральной области старины.

Общерусский ЛСВ *старина*₁ имеет значение 'прежние, давно прошедшие времена' (МАС). В этом значении в текстах диалектного дискурса единица выполняет роль лексического квазимаркера времени. Уточним, что лексическими темпоральными маркерами мы считаем слова, позволяющие локализовать описываемый фрагмент действительности в одном из трех континуально воспринимаемых планов временного потока. Частеречная отнесенность и грамматические особенности маркеров принципиально не важны. Квазимаркер *в старину*, а также изофункциональные ему в дискурсе единицы *время (годы / года, лета), жизнь, режим* в сопровождении определений *старинный, старый, бывший, давний, ранешний, прежний, тогдашний* обозначают вехи, расставленные на границах темпоральной области, которая не имеет величины, размера. «Глубина», «протяженность» или «объем» старины – характеристика, не релевантная для ТК. Старина – это не-сущее ныне, и это несуществование нельзя структурировать. В данном континууме локализуются самые разнородные вещные объекты и факты. Поскольку факты неличностны, это только знания о том, что и как было, они дают старине возможность оставаться «всеобщей». Она, будучи несобытийной, не может стать полноценным темпоральным маркером.

Значение ЛСВ *старина*₂ в МАС сформулировано как 'события, обычаи, порядки и т.п. давних времен'. Данную формулировку нельзя признать удачной. События – это явления иного характера по сравнению с обычаями и по-

рядками, отмеченными привычностью (следовательно, повторяемостью, неновизной) и организованностью. Обычаи и порядки не предполагают произвольной случайности, не исключенной для события. Событие, происшествие, оказия – это воплощение самой случайности. Подчеркнем то обстоятельство, что переключение фокуса внимания говорящего на конкретные события сразу лишает описываемое время статуса старины.

Вещные артефакты соотнесены, как правило, с ближним временным планом ТК, возникая рядом с человеком и сопровождая его на каком-то отрезке жизни. Отсюда важность вещей-ровесников, которые разделяют с человеком его время: *У меня восемь подушек [в приданом] было. Вместе со мной старуются; Такой же старый [мотоцикл], со мной, гыт, с одного году.* Поскольку всякая полнота, наполненность вызывает в языковой картине мира положительные коннотации и оценки, одновременность (то есть совместное пребывание сущностей во времени-вместилище, наполняющее его) важна и применительно к людям. Человек причисляет себя к «мы-группе» на основании возраста, то есть собственного биологического времени (*годок, одногодок, с одного году, однокупельный, ровня / ровняк*), исторического времени (*современник*), родства (*однопородец, однородец, одногнездец, однодомец*), национальности (*соплеменник*), гражданства (*соотечественник*), проживания (*односельчанин, одnogородец*), службы (*однополчанин*), учебы (*одноклассник*) и т.д., и язык объективирует данную идентификационную стратегию. Для ТК релевантны не все перечисленные идентификации, но возрастная настолько значима и разработана, что вновь скрепляет онтологическое единство мира, обращаясь к разным его денотативным областям. Невещные, «непредметные» артефакты объективируют дальний план времени. Те и другие своим пребыванием в настоящем стабилизируют мир и помогают присвоить время, несмотря на его постоянное отчуждение от человека.

Темпоральная область предшествовавшего настоящему не перекрывается полностью содержанием концепта СТАРИНА, с ней связан также концепт ПРОШЛОЕ. Асимметричная трихотомия временных планов ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ утвердилась в обыденном сознании как производная линейной (в основе своей биологической) модели времени. Прошлое является родовым понятием по отношению к старине, покрывая весь темпоральный континуум предшествовавшего точке «сейчас», а область старины требует определенного зазора (люфта), которым она отделяется от данной точки. Старина не имеет общей границы с настоящим, будучи отдельной, самодостаточной областью, а прошлое имеет. Тем не менее эта граница подвижна и каждый раз проводится человеком заново.

Все маркеры календарного (*год – месяц – день недели*) и суточного (*утром – днем – вечером – ночью*) цикла можно назвать «близкодействующими». Они актуализуются при описании темпорального поля, которое незначительно отстоит от центра субъективно творимой, переживаемой и присваиваемой вселенной Я – ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС. Несмотря на грамматическую оформленность

предикатов, локализуемое данными маркерами положение дел вряд ли воспринимается говорящим в модусе прошлого. Это «вечное настоящее», в котором живет человек, – сфера, отмеченная «постоянством жизненно важных отношений», где распознается «привычная структура сегодняшнего жизненного мира» (Г. Люббе), «структура повседневности» (Ф. Бродель).

На бóльшем расстоянии от темпоральной точки / континуума «сейчас» функционируют парные лексические маркеры времени. Подчеркнем, что это «бóльшее» расстояние предопределяют отнюдь не физические параметры, а исключительно задачи интерпретации мира, стоящие перед человеком в коммуникативном акте. Данная подвижность не раз обращала на себя внимание исследователей, и Ю.Д. Апресян (1986) заявил, что свойство языка релятивизировать время и пространство в гораздо большей степени заслуживает названия «лингвистической относительности», чем факт национального своеобразия грамматической, лексической или даже семантической системы языка в смысле Б. Уорфа.

Континуумы настоящего и прошлого обозначаются соответственно единицами *сейчас, теперь, нынче* и *раньше, прежде, тогда* и их диалектными вариантами. Интересно, что в языке нет изофункциональных маркеров темпоральной области будущего. Несмотря на то, что локализация в ней может осуществляться и грамматическими средствами (*За художого не пойдёшь [замуж], а хорошего не будет; «Продай [цветок], деньги отдам.» – «Неужели я деньги буду брать? Ну чё цветок-то – траву [продавать]?»*), отсутствие лексических маркеров прямо свидетельствует о нерелевантности для ТК данного плана времени в целом.

Лексические темпоральные маркеры чаще всего актуализуются парно, но даже отсутствие одного из них не отменяет удвоения временных планов, оно лишь имплицитруется. Причина – в онтологической несамостоятельности прошлого: его творит только настоящее, вне которого нет и прошлого. Основным результатом сравнения темпоральных планов – констатация движения той или иной «структуры жизненного мира» по модели «раньше было (не было) так». Таким образом, дискурс верифицирует концептуализацию старины как статичного небытия, а прошлого как динамичного изменения.

Восприятие времени в качестве прошлого снимает привнесенную семиотическими оппозициями, которые порождает биологическое время, оценочную семантику старения, старости, старины, остается только экспликация отличия. Крайне редко носитель ТК описывает неизменное состояние «жизненно важных отношений» (Г. Люббе), поскольку это постоянство уничтожает сами концепты НАСТОЯЩЕГО и ПРОШЛОГО. Структурное постоянство «жизненных отношений» попросту длит экспансию вечного настоящего в темпоральную область минувшего бытия.

Рассмотрим область прошлого подробнее. Бесспорно, то, что существовало до меня, – это принципиально иное состояние мира. Для человека естественно измерять все проявления сущего собою, и темпоральная организация мира

также измеряется телесным бытием. Прошлое прежде всего «прошло» мимо меня, вдоль моей жизни. Именно через движение, которое всегда есть протекание во времени, язык вербализует появление нового, также опредмечивающее время. Новое (*новь, обнова, новина, перенов / переновка, новость / новность / новисть, новик / новяк, новенький, новая метла, новые гости*) в диалектном дискурсе главным образом предметно, а не событийно. Все, что существует при нем, идет мимо него, человек *захватывает*, присваивая как вещь, также он присваивает само время: *Раньше были одностопки, и двухкомнатны были [избы], а эти пятистенны. Постройки неважны были, я ещё захватил; Были маринатки – токо мы их не захватили.*

Прошлое – это темпоральная область, где не только *приходят* и *уходят* артефакты (*А потом веялки пошли, у кого? У богатых мужиков. Штук шесть было. Самовязки пошли*), но и возникают (*идут, (объ)являются, (по)являются*) события. Они способны стать темпоральными вехами прошлого (их номинации соответственно лексическими темпоральными маркерами), объективируя не только уровень биологического времени, но и «снимающие» его уровни времени социального и исторического.

Лексические маркеры времени подтверждают тезис об опосредованном отражении языком внешнего мира и непосредственном – его концептуализации. Событийные маркеры, связанные с дальним темпоральным полем, принципиально противостоят циклическим – унифицированным, даже абстрагированным, следовательно, внеличностным, которые расставляют вехи недалеко от переживаемого «вечного настоящего». Однако их безликие отметки все сильнее сливаются друг с другом в глубине прошлого, и говорящий вынужден прибегать к менее точному, но более значимому для него масштабу собственной жизни. Благодаря событийным маркерам прошлое обретает объем и глубину, объективируясь телесностью вовлеченного в события человека. Старина – мифична, она (чаще всего) не прожита человеком, прошлое же, фундированное личным опытом, оказывается реальным, подлинным. Следовательно, в отличие от старины, прошлое лично ориентировано.

Динамику прошлого предопределяет и то, что, исходно объективированное для каждого собственным бытием, прошлое вначале оказывается ничтожно малым. В процессе онтогенеза эта темпоральная сфера разрастается, все еще не выходя за границы прожитого человеком. Затем прошлое распространяется на глубину родового времени, за пределами собственной практики человека наполняясь событиями из жизни родителей, а потом и предков. Иными словами, субъект прошлого – это «я» или член «мы-группы»: *Мама рассказат тоже, как жили раньше. Сахар, grit, кусочек откусишь раз и положат потом. А счас ложкими едят. Печенье, пряники – так сумка и висится; Печей не было, мать говорила. При матери печки пошли. Железок не было. Угорали; Те старики, которы ходили [в ящину], их уж нет. От отца слышал, что он по три раза в год ходил.* В отличие от дискурсов других типов, в диалектном дискурсе

субъектом прошлого ни природный объект, ни социальный объект быть не могут.

События невещественны и в силу этого не могут устареть, состариться, но они происходят и, произойдя (в среднеобских говорах есть предлог *изойдя* ‘после’), проходят. Язык выражает это внутренней формой имен концептов: статичная СТАРИНА – предметна, а ПРОШЛОЕ – процессуально, динамично. Однако имени существительного *прошлое* в среднеобских говорах нет, как нет и *былого, минувшего* (нет, впрочем, и *настоящего*). Словари фиксируют единственный контекст: *Намедни – это прошлое, недавно [значит]*. Анализ дискурса позволяет предполагать, что именем концепта ПРОШЛОЕ в среднеобских говорах является РАНЬШЕ.

Существуя не только в повседневности, а «как бы на пороге между обыденным и необыденным» (Б. Вальденфельс), границу между ними человек проводит каждый раз заново, руководствуясь своими *сейчасными, счасочными, счасными* потребностями и интерпретируя одну и ту же темпоральную область то как старину, то как прошлое.

3.4. Динамика (внутри) концептуального слоя СТАРОСТЬ как нарастание отчуждения времени. 3.4.1. Профанная СТАРОСТЬ. В последние годы высказана справедливая в целом мысль о том, что абстрактные категории (к которым, безусловно, относится старость) в обыденном сознании не имеют дискурсивного представления. Вопрос о степени абстрактности того или иного концепта открыт, однако проявления профанной старости – один из самых разработанных мотивов диалектного дискурса вследствие того, что носителями ТК являются преимущественно немолодые люди. Концептуализация старости аспектирует не ее глубину (поэтому нет дробной градации возраста стариков, в отличие от детей), а «открывающую» границу и исчерпанность ресурса того или иного человека (артефакта). При этом жизнь профанных стариков локализуется в темпоральной области «вечного настоящего», и в этом смысле они вневременны.

Воплощением старости, помимо профанных стариков, становятся старые (старинные) люди и предки. Сложное взаимоотношение этих концептов детерминировано их локализацией на оси времени.

3.4.2. Старый vs. старший: абсолютный и относительный возраст. Как показали М. Мид, Ш. Эйзенштадт и др., связью возраста и определенных социальных ролей во многом задан тип культуры. Данная связь тем не менее не всегда оказывается прямолинейной. Так, в рамках классической ТК трактовка возраста замужней женщины, отражаемая номинациями *молодуха / баба*, опиралась вовсе не на количество прожитых ею лет. «Культурную» молодость, репрезентированную внутренней формой слова *молодуха*, предопределяет отсутствие детей из-за непродолжительного брака или рождение сына-первенца. В некоторых локальных традициях Среднего Приобья для женщины, родившей сына-первенца, языковое сообщество вообще останавливало время: *Молодуха, эт если принесёт парнёчка первого, то, значит, век молодуха. Сколько она жи-*

вёт, всё молодуха. А девчонку – бабёнка. Вот бабёнка идёт, а вон молодуха идёт. С другой стороны, в классическом состоянии ТК Сибири достижение внутрисемейного статуса «старика» также зависело не от возраста мужчины, а от вступления в брак его старшего сына. Социальная роль старухи (*бабушки / баушки, бабки, бабы*) уже внутри общины вновь не сопряжена жестко с биологической старостью: *У меня золовушка пошла бабить в девятнадцать лет: в баню поведёт, поправить всё; И стала ходить молодая бабушка. Ну, в девках уже научилась [лечить]. Кака-то старушка научила.*

Помимо абсолютного (биологического) возраста, связанного с концептом СТАРОСТЬ, язык манифестирует возраст относительный (социальный), связанный с концептом СТАРШИНСТВА. СТАРОСТЬ и СТАРШИНСТВО родственны онтологически, будучи производными от времени. При их концептуализации во внутрисемейной, производственной и обрядовой денотативных областях задействованы когнитивные модели первенства (числового ряда), размера, высоты (глубины).

3.4.3. Старшие компаньоны. В первой половине XX в. А. Шютц обозначил не всегда четко разграниченные обыденные связи между членами «мы-группы» термином «компаньоны» (в некоторых переводах «партнеры»). Компаньоны скреплены отношением «лицом к лицу», то есть общностью времени и пространства. Это предпосылка для того, чтобы частью собственной биографии человека становилась жизнь другого. В 1960–1970 гг. идею разделения сограждан на «компаньонов», «предшественников» и «последователей» развивает К. Гирц. Статус предшественника, казалось бы, безусловно отсылает за предел телесно присвоенного человеком времени. К. Гирц, однако, рассматривает данный феномен в динамике: старшие компаньоны не сразу уходят в прошлое, а постепенно становятся нашими предшественниками, и это «период начинающегося прародительства». Данное прародительство обеспечивается все более полным наложением старости и старшинства – биологической и социальной ипостаси времени.

Диалектный дискурс полон отсылок к опыту (в том числе и темпоральному) бывших компаньонов: *Девки-то наши на вечерке прибаутки поют. А вот дядя Ефим бывало на всю деревню распевал; Гулять, всё надо вместе [делать супругам]. Я говорю: «Вы как Маринушка с Брусовым». У нас были бродяга, Маринушка её звали, а его Брусов... Они всё вместе ходили. Я говорю: «Вы как Маринушка с Брусовым. Дерутся, дерутся, – и вместе ходят».* Упоминаемые носителем ТК бывшие члены общины – не предки в полном смысле, а персонифицированные, значимые лично для него скрепы «мы-группы», которые (1) сохраняют ее идентичность во времени, несмотря на неизбежно меняющийся состав, (2) опредмечивают изменение мира (см. раздел 3.3.4. «Старина vs. прошлое»).

Драматичное ощущение разрыва между настоящим и прошлым порождено несовпадением элементов потока действительности. Человек вынужден противостоять этому разрыву для обеспечения самоидентичности. Ему требу-

ются «скрепы» – что-то возникшее (существовавшее) в уже присвоенном ПРОШЛОМ и остающееся (существующее) в непрерывно отчуждаемом НАСТОЯЩЕМ как можно дольше. Каждый должен разделять что-то с самим собой прежним: это вещные и невещные артефакты, а также события, которые присваиваются посредством участия в них. Наиболее адекватно обе задачи решаются при помощи других людей, делящих с нами тот или иной отрезок времени. Идеально в этом смысле совпадение с ровесниками, рассмотренное выше. Однако, будучи максимально близки к темпоральному опыту говорящего, ровесники разделяют и его профанную суть: они не получили ничего от смыслопорождающей, «матричной» сути старины.

В результате в дискурсивной практике разработан мотив сравнения себя с предшественниками-односельчанами: *У меня голова ещѐ болит. Я как раньше как Василиса Прокофьевна. Голова болит всё у меня. Раньше Василиса Прокофьевна всё голова болела.* Развернутые объяснения поводов для подобного сравнения востребованы в случаях, когда в коммуникацию вступает посторонний для сообщества собеседник. При этом у носителя ТК существует субъективная потребность в подобном рассказе, в манифестации своей общности с ушедшими членами «мы-группы», которая требует разделения с ними и времени, вернее, его норм, оценок, целей и смыслов.

Старшие компаньоны маргинальны в своей «внешней» (невозрастной) связи со временем. Бесспорно их физическое отсутствие в континууме настоящего в момент речи, и, пожалуй, также бесспорна их локализация в континууме прошлого. При этом их задача – нивелировать различие между тем, каким мир был, и тем, каков он есть, которое и порождает ПРОШЛОЕ. Компаньоны «снимают» границу между сущим и не-сущим временем для говорящего, несмотря на все грамматические показатели времени (*был, жил*), но не принадлежат СТАРИНЕ.

Ушедшие члены «мы-группы» постепенно превращаются из профанных людей в символы, обладающие некой долей сакральности, и данный процесс соотнесен с локализацией их в темпоральной области ПРОШЛОГО / СТАРИНЫ. Начинающееся прародительство – это промежуточная стадия в концептуализации предшественников (не случайно это образование диалектной концептосферы не имеет имени), их отчуждение от вечного настоящего завершается в идеальной сущности ПРЕДКИ, которая уже репрезентирует СТАРИНУ.

3.4.4. Концепт ПРЕДКИ. Применительно к ТК Среднего Приобья данное имя оказывается условным, подтверждая тезис В.И. Карасика (2004) о том, что концепт может быть представлен «обширными списками» единиц, среди которых нельзя выделить основной способ репрезентации. Концептуальное содержание вербализуют лексемы *предпрадеды / припрадеды, правдушки / прадушки / прадюшки, прадеды / правдеды, предедки, деды, отцы, родители, старики, старые (люди), стареи.* Их внутренняя форма предельно ясно обнаруживает, что концепт изначально фундирован семьей и эта связь в говорах, в отличие от литературного языка, так и не скрыта «чистым» временем. Однако у ряда еди-

ниц внутренней формой объективирована «норма ожидания» ТК: предки прошли свой жизненный путь до конца и превратились в стариков.

В мифологии роль первопредков заключается в сотворении нынешнего состояния мира. Мифологическое сознание наделяет их одновременно физическим, материальным и духовным богатством. В ТК спектр функций и признаков ПРЕДКОВ уже редуцирован «внешним» временем. Возраст старожильческой традиции, в отличие, например, от традиции Русского Севера, обусловил относительно небольшой промежуток между рождением «своего мира» и сегодняшним днем. В результате еще одним значимым «входом» в концепт ПРЕДКИ, эксплицирующим его онтологический признак, являются номинации *первоселенцы, поселенцы, родичи*.

Предки не только создали «свой мир», они поименовали его части: *Цыганка – речушка. Цыганка [здесь] замёрзла. Так Цыганку прозвали наши прадушки. Озёркам всем имя дадено: Маланьино, Пармёново, Долгое, Клиново*. Акт именования устанавливает отношение подчинения между объектом и субъектом данного действия. Именованное означает до некоторой степени овладение им. С долей условности можно сказать, что именование – это вторичное создание и присвоение мира, только это особый, «посредующий мир» языка, стоящий, по мысли В. фон Гумбольдта, между объективным «первичным миром» и человеком. Акт именования вновь утверждает за предками функцию творцов самого времени – создателей «начала».

Назвав безымянное у его основания, старики-демиурги затем сами стали «номинативным признаком», то есть фундаментом мироздания: *Края деревни звались и теперь зовутся Карасёво, Фёдорово, Кубурушевка. Карасёво, Карасёвка – у них старик был толстый, как карась, вот так и звали; Ещё названия есть: Кузькин бор – по закреплению к Кузьме назвали*. Предки дали имена (в широком смысле) не только миру, но и потомкам, заполняющим его в настоящем времени: *Прозвища даются у нас по именам отцов – необходимые: Лёвушкины, значит, от Левонтия. Обидных прозвищ нет; У Пановых прозвище Барминские: дедушка часто бормотал у них, и прадеда звали Бормота*. В анализируемой смысловой сфере особое место занимает мотив положительной оценки предков и как создателей моделей поведения (паттернов), иными словами, морали и способов бытия в сотворенном ими же мире: *они так жили, делали, завели, поставили, удумали и не давали, не позволяли (не так)*.

Поскольку ПРЕДКИ локализованы в темпоральной области СТАРИНЫ, они ее воплощение и смысл, отсюда их безоговорочное небытие в настоящем: *Старики те померли уже; Те старики, которые ходили [в ящину], их уж нет*. Может быть, поэтому применительно к данному концепту имя *старик(и)* употребляется редко, оставаясь периферийным, так как за ним встает другая ментальная сущность.

Навязывая ПРЕДКАМ возраст старости, языковое сознание эксплицирует линейность (конечность) времени. Однако в дискурсивных реализациях смысловое содержание контекстного окружения имен данного концепта позволяет

считать, что его основной признак преимущественно связан с первичным творением-созиданием и вторичным творением-именованием материального мира и его структурных частей, а также с порождением идеальных объектов – законов и обычаев, то есть традиции. Темпоральная сущность ПРЕДКОВ амбивалентна: опредмечивая конец индивидуального существования (старость), они при этом являются основоположниками сообщества («мы-группы»), то есть стоят у начала существования коллективного.

Сакральные ПРЕДКИ максимально далеко отстоят от профанных СТАРИКОВ, оставаясь связанными онтологически – возрастом. По сути, концепты различаются «знаками» при сущностных характеристиках, актуализуемыми в устойчивых мотивах дискурса. Набор аспектируемых признаков данных концептов не только ограничен, но и тривиален, однако они получили дальнейшее развитие в ядерном для данного концептуального слоя ТК ментальном образовании СТАРЫЕ (СТАРИННЫЕ) ЛЮДИ.

3.5. Уникальные концепты ТК. Диалектная концептосфера – проекция крестьянский ТК. В результате концепт, фундированный, казалось бы, исключительно физиологически – возрастом, способен превратиться в этический, отражающий нравственные установки и нормы ТК. Обычно этическими образованиями считают такие «мегакоцепты», как МОРАЛЬ (НРАВСТВЕННОСТЬ), или частные концепты типа ЗЛО, ДОБРОДЕТЕЛЬ, СТЫД и т.д., которые представляют этику в чистом виде. Для ТК, в силу ее конститутивных черт, этическое существует только в сплаве со своими носителями, и, таким образом, диалектный дискурс позволяет судить именно об этосе ТК. Концепт СТАРЫЕ (СТАРИННЫЕ) ЛЮДИ, который детерминирован соотносительностью со старинной – смыслопорождающим континуумом времени, а также с ценностной доминантой русской ментальности – правдой, сопрягает темпоральную и этическую концептосферы ТК русских старожилов Среднего Приобья. Именно в этом мы полагаем его уникальность.

3.5.1. Этический концепт СТАРЫЕ (СТАРИННЫЕ) ЛЮДИ.

3.5.1.1. Статус знания. В среднеобском дискурсе предкам имплицитно приписывается физическая сила, которая обеспечивает выделение из чуждого пространства «своего мира» и его обустройство. Нет сомнения в том, что сила не остается бездуховной, поскольку предки являются также и создателями морали. Сущностным признаком ментального образования СТАРЫЕ ЛЮДИ становится духовное богатство, воплощенное в знании. Здесь концепт выходит на этический уровень, так как дух, духовность в русском мировосприятии тесно связаны с моралью (относительно других) и нравственностью (относительно себя).

3.5.1.1.1. Профанные знания и профессиональная компетенция. Семантическая система диалекта (*знать*₁, *знать*₂) показывает важность объективного знания, которое перерастает в деятельность и обеспечивает ее успешность. Соответственно моральный авторитет старости связан с ролью носителя житейского опыта. Несмотря на такой опыт, пожилые носители ТК считают свои познания рядовыми. Точнее, этос культуры не предполагает рассказов о собст-

венных достижениях и успехах. Что касается немолодых ровесников, прежде всего односельчан, то и их компетенция признается безусловной только в профанной сфере трудовых занятий, где возраст как опредмеченное время закономерно приносит навыки и социальный статус.

3.5.1.1.2. Компетенция в культурной традиции. Носители ТК в собственных глазах чаще всего не являются знатоками культурной традиции своей «мы-группы» (знания-эрудиции).

3.5.1.2. Носители знания. ТК разрешает допуск к сокровенному только для чужаков. В.Я. Пропп, А.К. Байбурин и др. доказали, что данный статус имеют традиционные персонажи святочной и масленичной обрядности, а также нечеловеческие существа. У последних широта знания (*Бог, чёрт, леший, шут, холера, сан, пропасть [его] знает*) качественно особая – от важного вплоть до самого профанного, узкого, злободневного, сиюминутного.

Все авторы, исследовавшие образы чужаков, однозначно вводят в их ряд «старика (старуху)». Ключевым мотивом диалектного дискурса становится для нас следующий: *Это, может, старики знают, а мы не знали такого понятия.* Контекстное окружение имени *старика* служит основой для выделения и сопряжения двух признаков концепта – (1) отличие от «нас» (чуждость) и (2) знание.

3.5.1.3. Знание СТАРЫХ (СТАРИННЫХ) ЛЮДЕЙ. Имена возрастных концептов СТАРЫЕ ЛЮДИ и ПРЕДКИ – антагонисты. Напомним, что имя последнего – условность, введенная на уровне исследовательской рефлексии, в самой же ТК Среднего Приобья оно «размыто». Что касается концепта СТАРЫЕ ЛЮДИ, то хотя «входами» в него является большинство членов той же парадигмы в их включенности во фразеологические сочетания, отчетливо коммуникативно выделенными являются номинации *старые люди, старинные люди*.

МАС (с пометой «разговорное») описывает у лексемы *люди*₂ значение ‘другие, посторонние лица’. Имя концепта, таким образом, задает его отчуждение от говорящего и его «мы-группы». Применительно к ним номинация *старые люди* обозначает лишь возрастную характеристику.

Концептуальное содержание – чуждость обыденной действительности – поддерживается отнюдь не возрастом: он фундирует исключительно профанную старость. ТК признает статус «старых людей» только за отсутствующими в «своем» мире – за представителями, воплощениями, «посланцами» СТАРИНЫ. Однако их чуждость этому миру – особого плана. Они «свои чужаки», поскольку онтологически концепт СТАРЫЕ ЛЮДИ связан с ушедшими компаньонами, перешагнувшими стадию «начинающегося прародительства», на которой бывшие члены «мы-группы» еще не утратили индивидуальных личностных черт. СТАРЫЕ ЛЮДИ уже полностью деперсонифицированы. Они лишены противоречивой сущности человека, но также и его индивидуальности. СТАРЫЕ ЛЮДИ попросту безлики и воспринимаются чаще всего как некая совокупность. Для них неактуальны гендерные характеристики, и они «сняты» языком. Однако СТАРЫЕ ЛЮДИ не отодвинуты от настоящего настолько, чтобы вовсе

отсутствовать в нем, как это характерно для ПРЕДКОВ. Их темпоральная суть более сложна: будучи порождением старины, СТАРЫЕ ЛЮДИ локализованы, тем не менее, в прошлом носителя ТК или его «мы-группы».

Содержание концепта остается целостным, не дробясь на разные аспекты. Главный его признак – связь со знанием. СТАРЫЕ ЛЮДИ отличаются от других посвященных содержанием открытого им: их знание имеет надбытовой характер и предстает не конкретным, а общим – это знание о жизни. В его дискурсивных описаниях квантор *всё* (реже – *всегда*) актуализует когнитивную модель генерализации: знание оказывается всеохватным и абсолютным, отличаясь от относительного и фрагментарного знания профанных людей. В темпоральном плане это знание касается не только областей прошлого и настоящего, но может простираться за их пределы, оказываясь проспективным.

Его подтверждает сама жизнь: *Что ране-то говорили стары – всё сбылось; Чё народ говорил старый – всё сбылось, ей Богу, сбылось*. Знание СТАРЫХ ЛЮДЕЙ соотносится с этической категорией «правды»: *Говорили ранышны люди: «Народ будет бесстыжий», – и правда; Вот говорили стары люди, что солнце мало будет греть – и правда*. Итак, этическая составляющая данного концепта русской ТК весьма отчетлива. Вопрос о ее (национальной) специфике, тем не менее, остается открытым. Этнос ТК, отраженный в постулате «старые люди знают правду», имеет следствие для диалектной дискурсивной практики: ссылка даже на конкретного профанного старика как на источник информации придает сообщенному требуемую нравственную характеристику.

3.5.1.4. Способы обращения со знанием. В теоретической рефлексии знание выступает как продукт постижения закономерностей окружающего мира. Знание, вырабатываемое наукой, – это суждения, которые истинны, то есть согласуются с реальностью, и интерперсональны. В ТК знание неразрывно связано с его носителями и с содержательной стороны никому доселе не известное менее важно, чем то, что ведомо и одновременно таимо. Если цель науки – получить новое знание, открыть его, обнаружить, выявить, найти – иными словами, *узнать*, то цель ТК – (предъявить и (объявить) ведомое, *знаемое*, то есть правду.

Главный способ обращения с заветным знанием – его обнародование, поскольку подобные сведения нельзя получить самостоятельно или от кого-то другого помимо СТАРЫХ ЛЮДЕЙ. Поверхностно механизм передачи ими знания членам «мы-группы» описывается в дискурсе как двухчастный, в нем выделяется «запрос» и «отклик». И в общерусском языке, и в диалектных системах хорошо развиты лексические парадигмы, члены которых имеют семантический компонент ‘обращаться к кому-либо, желая узнать что-либо’, однако для описания речеповеденческого акта «обращение к носителям знания» актуальным оказывается только глагол *спрашивать, спросить*. Вторичная (глубинная) интерпретация, то есть трактовка профанным человеком механизма первичной интерпретации мира СТАРЫМИ ЛЮДЬМИ, еще резче подчеркивает отличия между своими и чужаками. В ответ на вопросы и просьбы (или незави-

симо от них?) СТАРЫЕ ЛЮДИ *говорят, рассказывают, (об)сказывают, скажут*, открывая заветное – то знание, которое «человек получает от другого человека, сказавшего правду». Область актуальных предикатов и для этого речеповеденческого акта вновь невероятно узка.

Данной картине резко противопоставлены описания, казалась бы, типологически близкой ситуации общения носителей ТК с членами диалектологических экспедиций. Диалектологи, будучи взрослыми, прошли этап социализации, однако они, не являясь членами крестьянской «мы-группы», не могут претендовать на «высокую степень подобия сторон общения». Передачу профанного знания, которым владеет лично немолодой информант или его компаньоны, в большинстве случаев описывают предикаты, находящиеся на границе между глаголами сообщения информации и речевого поведения (*буробить, городить, брехать, садёкать, хлопать* и т.д.).

Темпоральные определения *старый (старинный)* в дискурсивной практике носителей ТК характеризуются синкретичностью семантических компонентов: (а) проживший много лет, (б) такой, который предшествовал нынешним, (в) существовавший задолго до настоящего времени, (г) исконный, коренной. Это приводит к соотнесению содержания концепта не только с профанной старостью, но и со смыслопорождающим темпоральным континуумом старины, в котором локализованы ПРЕДКИ. Старина – источник, порождающий абсолют. Из нее берется и само знание (правда), и его носители. Ни то, ни другое не может принадлежать нашему времени (настоящему), они принципиально отчуждены от окружающего мира для изгнания профанной составляющей. Поскольку сакральная старина служит источником не только знания, но и этической нормы, реальные члены общины, обладающие знанием (даже надбытовым), использующие его во благо / зло миру и людям (*У нас говорят «порча» про тех, которые знают, портят людей; У Матрёны подойдут [овцы] и у калитки все собираются. Ни одна не убежит, как все [не] собрались... Она открывает калитку, тогда заходят. Ну чё-то, наверно, она знала? А тут как табун идёт, стадо, так тапочки снимай, догоняй их*), не знают правды. Таким образом, их знание утилитарно, знание СТАРЫХ ЛЮДЕЙ правдиво. Это разные плоскости интерпретации.

Основная функция концепта СТАРЫЕ ЛЮДИ – сопряжение СТАРИНЫ (источника), ПРОШЛОГО (места передачи-1) и НАСТОЯЩЕГО (места передачи-2 и также места назначения) при передаче традиции. Первый уровень ее передачи эксплицирован в дискурсе, второй оказывается латентным: он разворачивается в настоящем, непосредственно в речи носителя ТК, который позиционирует себя профанным членом «мы-группы». Однако именно он и является реальным субъектом культуры, транслирующим традицию.

3.5.2. Концепты ГОДЫ (ГОДА): константы и переменные ТК. Изменение языковой картины мира принято связывать с обогащением содержания тех или иных элементов концептосферы, появлением новых. Обратное движение практически не привлекало внимание исследователей, хотя угасание кон-

цепта, его деактуализация также должны иметь свои причины и закономерности, которые выявляют связь семантической эволюции языка и ценностей культуры. Яркий пример – вытеснение в последние десятилетия в говорах Среднего Приобья лингвоспецифичного темпорального концепта совершенного возраста ГОДЫ одноименными образованиями, наполненными другим содержанием.

3.5.2.1. Концепт ГОДЫ₁ (ГОДА₁). Ментальное образование, которое условно названо ГОДЫ₁, напрямую с возрастом не сопряжено, репрезентируя «свое» (присвоенное) время говорящего или его «мы-группы» и формируясь в сознании адресата при помощи совокупности значения языковых единиц, не являющихся средствами его номинации. Отсылка к нему в дискурсивной практике обеспечивает лояльность носителя ТК к «своему» миру и солидарность с ним не только формальную, внешнюю, но и эмоциональную, духовную, личностную. Внутренняя форма данных единиц отмечена значительным сходством: их стержневым словом является (1) номинация темпорального континуума: *в моих (наших) годах, при моём веку, при (на) моём време, при моём (нашем) возрасте, на наших днях*; (2) номинация экзистенции: *при моих живностях, на моей жизни, при моей (нашей) быльности (бытности, быти, быту), при моём виде*, (3) номинация важнейшей функции сознания сохранять и воспроизводить прежний опыт – памяти: *в (на, при) моей (нашей) памяти, на моём (нашем) памяку*. Данные единицы выполняют роль темпоральных маркеров, сопровождая передачу пожилым человеком профанного знания, которое касается темпоральной сферы ПРОШЛОГО.

3.5.2.2. Концепт ГОДЫ₂ (ГОДА₂). Пространственная метафора, объективирующая возрастные изменения, предполагает гетерогенность субъектов действия. Если субъектом действия оказывается человек, а не время (*По одной и той же дороге идём: что красивый идёт, то я – плоха. Я полна, я антересна была, а счас никудышна, счас даже вот неохота встречаться с народом*), его вступление в тот или иной возраст описывается в литературном языке глаголом *достичь*. Некоторые возрасты обладают своеобразными топологическими свойствами: чтобы достичь следующего, не надо покидать предыдущий, а пребывание в каком-то одном не отменяет пребывания в другом. Например, пенсионный возраст не отменяет того обстоятельства, что человек по-прежнему является совершеннолетним. «Возрастные пространства», описываемые данной языковой моделью, имеют одну границу: в литературном языке нет глагола, описывающего «удаление», «выход» из какого-то возраста. Анализ диалекта позволяет выделить возрастную ступень, по отношению к которой человек все время остается субъектом действия, не только проникая в нее, но и покидая. Именно эта фаза возраста известна носителем ТК Среднего Приобья под именем ГОДЫ₂ и репрезентирует концепт «совершенного возраста».

В темпоральной области ГОДОВ₂ люди оказываются, двигаясь по «пространству» времени: они *входят в года*. В отличие от глаголов *дойти* и *достичь*, предикат *войти* обозначает не телеологичное движение: *Она в года вошла – ну, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет, созрела. Поумнела. Бы-*

ла дурочка, а теперь поумнела. Несмотря на размытость нижней границы «совершенного возраста», она так или иначе задана традицией. Может ли человек ее сдвигать, меняя возраст, иными словами, манипулируя временем?

Компрессия / растягивание времени в ТК привлекали внимание отечественных ученых начиная с Д.К.Зеленина. Магическое воздействие времени или на время изучалось на материале «операционных» и «житийных» текстов и кода ритуала. Время при этом выступает и обрядовым объектом, и обрядовым инструментом. Концептуализация ГОДОВ₂ привлекают внимание к компрессии / растягиванию времени помимо ритуала. Проникновение в эту область может совершиться хитростью, вопреки естеству времени: для этого, по свидетельству языка, физическое действие в физической среде (движение) человек заменяет социальным взаимодействием с другим человеком (делкой) или механическими операциями (работой): *купить (подкупить) года, надставить года*. Манипуляции временем в языковой картине мира возможны и за пределами целеположения или утилитарных целей: *Сыночек утонул у меня, много он годочков отнял, горе-то большо*. «Отнимание годочков» – это компрессия области «совершенного возраста», а не времени жизни вообще, так как последнее может быть констатировано относительно умершего человека, но не себя.

После проникновения человека в область ГОДОВ₂ следует статичное пребывание в ней: *годы стали, в годах*. Отсутствие каких-либо фаз «совершенного возраста» позволяет проследить родство концептов ГОДЫ₁ и ГОДЫ₂. Не случайно номинация *в наших годах (в наши года, времена)* стала в среднеобском дискурсе ключевым символом присвоения времени, принятия его аксиологии, самоидентификации с ним.

Покинуть область «совершенного возраста» человек должен, употребляя тот же способ, что и для проникновения, – передвижение по темпоральному пространству: *выйти (выходить) из годов*. Языковая концептуализация двухграничных временных континуумов поддерживается в среднеобских говорах всей денотативной областью социальных статусов: *выходить (выйти) из подати, выходить (выйти) из полочки, выходить (выйти) из декрета, выходить (выйти) из армии (со службы)*.

Исходность для ТК данной концептуализации ГОДОВ₂ подтверждена ее дублированием на уровне треугольника «время – экзистенция – память». Период «совершенного возраста» характеризуется наличием физической силы и интеллекта, объективируемого прежде всего памятью. Время до и после периода ГОДОВ₂ равно ознаменовано физической и интеллектуальной немощью неразвитого и изношенного организма. Проявления «совершенного возраста» отражают члены парадигмы *(быть) в крепкости (крепостях), в могу́те, в силе (силах), в самом соку, в самом прыску, *в памяти, *в толке*. Выход из области ГОДОВ₂ пространственная метафора представляет как выход из перечисленных состояний организма: *выйти из силы, из толка, *из памяти; (быть) не в могу́те*.

3.5.2.3. Концепт ГОДЫ₃ (ГОДА₃). В последней трети XX в. под давлением литературного языка в концептосферу ТК проник одноименный концепт

ГОДЫ₃, в котором заключена идея старости. Концептуализация ГОДОВ₃ вскрывает языковое представление действительности в соответствии с «неявными приоритетами», которые передаются имплицитно, невербально, недискурсивно. Один из них заключается в том, что для человека и его деятельности большее важнее меньшего, и порождает частотные конструкции типа (*у меня*) *температура, давление* и т.д. в значении ‘высокая, большая температура’, ‘высокое, большое давление’.

Постепенное принятие нового концепта при наличии одноименного гетерогенного образования привело к их наложению. Ср.: «*Взамужем. Муж Серёжа, двое детей*». – «*В годах, в годах*». – «*А?*» – «*Двадцать-то, может, пять. Ну, за двадцать, я говорю, двадцать пять лет-то уж: двое детей*»; *Митрий Михалыч – он в годах, Татьяна Лексевичин-то это [муж], он же в годах, старый же*. Обезличенному в результате выхолащивания возрастному континууму требуются вторичные определения: *Которы в средних годах, тоже с молодежем играют, песни поют*.

Таким образом, опредмеченные разными подсистемами национального языка одноименные концепты могут противоречить друг другу. Дискурсивные данные показывает, что в среднеобских говорах уступил, оказался размытым именно исходный концепт, отличавшийся более высокой лингвоспецифичностью. С одной стороны, полученный результат вписывается в общий процесс секуляризации мира и его темпоральной составляющей. С другой, подчеркнем, что деактуализация концепта «совершенного возраста» ГОДЫ₂ (ГОДА₂) как вместителища всех потенций человека, как времени их полной реализации, как стадии безоговорочной активности человека, как абсолюта, порождающего этическую (деонтическую) норму, произошла к концу XX в., отмеченного манипуляциями временем на уровне проработанной идеологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ содержит обобщенные итоги проведенного многоаспектного исследования традиционной темпоральности – поистине всеохватного феномена, который, задавая пределы бытия и быта человека, не может существовать без посредничества языка.

Темпоральность ТК объективируется говорами, закрепляющими локальную (свою) интерпретацию обыденного опыта, и диалектным дискурсом, где спонтанно моделируется жизненный материал, отражая повседневное смыслополагание как первичную форму духовно-практического освоения мира.

Диапазон языковых носителей обыденного (наивного) смыслополагания широк – начиная от внутренней формы лексических единиц до их текстовой сочетаемости. При этом прямономинативные единицы и лексемы с неявно выраженной темпоральной семантикой несут в себе не меньший запас культурно значимой информации, чем метафоры и фразеологизмы.

Языковые факты вводились в широкий междисциплинарный контекст, что позволило осветить широкий спектр вопросов, связанных с народной (крестьянской) жизнью и миропостижением, и казалась бы, даже не соотносящихся со временем, – от присвоения мира, созданного предками, до передачи тради-

ции не приобщенным к ней членам «мы-группы» и чужакам, от круговращения неновых действий, заполняющих повседневность, до уникальных событий, которые человек захватил в течение своей жизни, на своем веку, при своей памяти, интерпретированных нами как «темпоральность [традиционной] культуры».

Сутью «хроноощущения» ТК является многомерность и неоднородность времени, фундированная семиотическими оппозициями свойственности / чуждости и бесконечности / конечности. Их нейтрализация ведет к «выравниванию» и опустошению времени, обезличивая мир. Миромоделирующие потенции диалекта противостоят этим процессам, говоры оязыковляют «разноликость» времени.

Публикации автора, полнота отражения в публикациях основных положений диссертационного исследования

Монография:

1. Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – 250 с.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

2. Калиткина Г.В. Система праздничных прескрипций русских старожилов Среднего Приобья и ее объективация в диалектных словарях // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Культурология. Филология. – 2003. – № 277, июнь. – С. 186-197.

2. Калиткина Г.В. Диалектный язык как код традиционной культуры // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Культурология. Филология. – 2004. – № 282, июнь. – С. 24-29.

3. Калиткина Г.В. Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции. Статья 1. // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. – 2006. – № 291, июнь. – С. 12-19.

4. Калиткина Г.В. Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции. Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. – 2007. – № 294, январь. – С. 17-24.

5. Калиткина Г.В. Тексты диалектного архива как базовый источник диалектной лингвокультурологии // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 298, май. – С. 7-12.

6. Калиткина Г.В. Междисциплинарные области диалектной лингвокультурологии // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 181-192.

7. Калиткина Г.В. «ГОДЫ» как имя темпоральных концептов в традиционной культуре // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 326, сентябрь – С. 16-23.

Публикации в других научных изданиях:

8. Калиткина Г.В. Удвоение временных планов в вершининском говоре: взаимосвязь языковой и концептуальной картины мира // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности : в 2 ч. – Томск, 1996. – Ч. II : Язык в социо-культурном пространстве. – С. 103-107.
9. Калиткина Г.В. Лексический маркер времени *сейчас* в вершининском говоре // Этносы Сибири: язык и культура. – Томск, 1997. – С. 74-76.
10. Калиткина Г.В. Лексические временные маркеры в вершининском говоре // Материалы международного съезда русистов в Красноярске (1-4 октября 1997 г.) : в 2 т. – Красноярск, 1997. – Т. 1. – С. 124-125.
11. Калиткина Г.В. Говор как язык повседневного общения // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. – Томск, 1998. – С. 168-171.
12. Калиткина Г.В. Локализация в континууме прошлого в вершининском говоре // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск, 1998. – С. 79-89.
13. Калиткина Г.В. Событийные маркеры времени // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты : в 2 т. – Бийск, 1998. – Т. 1. – С. 219-224.
14. Калиткина Г.В. Континуум *неделя* в вершининском говоре // Проблемы документации исчезающих культур. – Уфа-Томск, 1999. – С. 94-100.
15. Калиткина Г.В. Календарный и некалендарный личный праздник в лингвокультурологическом аспекте // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур : в 2 ч. – Томск, 2000. – Ч. 2. – С. 153-161.
16. Калиткина Г.В. Циклический праздник в лингвокультурологическом аспекте // Православие и Россия: Канун третьего тысячелетия. – Томск, 2000. – С. 59-63.
17. Калиткина Г.В. Время праздника: сакральное и профанное (Отражение лексики с темпоральным значением в томских областных словарях) // Проблемы русистики. – Томск, 2001. – С. 123-134.
18. Калиткина Г.В. Единицы бытового времени и их объективация в говоре // V Житниковские чтения: Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте. – Челябинск, 2001. – С. 228-237.
19. Калиткина Г.В. Среднеобская диалектная лексика с темпоральным значением: концепт ВЕЧЁРКА // Язык в поликультурном пространстве : теоретические и прикладные аспекты. – Томск, 2001. – С. 238-243.
20. Калиткина Г.В. Сакральное и профанное время в календарном круге: томские словари в лингвокультурологическом аспекте // Европейские исследования в Сибири. – Томск, 2001. – С. 234-246.
21. Калиткина Г.В. Способы описания темпоральных единиц в диалектных словарях разных типов // От словаря В.И.Даля к лексикографии XXI века. – Владивосток, 2002. – С. 197-207.

22. Калиткина Г.В. Диалектные словари как отражение традиционной культуры // Язык. Время. Личность. Социокультурная динамика языковых явлений в общенародных и личностных репрезентациях. – Омск, 2002. – С. 544-549.
23. Калиткина Г.В. Традиция культуры и диалектные словари // II Лазаревские чтения. – Челябинск, 2003. – С. 260-264.
24. Калиткина Г.В. Стереотипы социального времени в традиционной культуре // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск, 2003. – Вып. 4-5. – С. 102-110.
25. Калиткина Г.В. Пир на весь мир (диалектные словари и прескрипции традиционной культуры) // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 71-81.
26. Калиткина Г.В. Культурноспецифическая единица *война*: к методологии описания // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2003. – С. 156-167.
27. Калиткина Г.В. Темпоральность традиционной культуры: святки // Европейские исследования в Сибири. – Томск, 2004. – Вып. 4. – С. 335-346.
28. Калиткина Г.В. Маркирование «своего» и «чужого» времени в диалектном тексте // Виноградовские чтения. – Тобольск, 2005. – С. 83-86.
29. Калиткина Г.В. Модели времени в традиционной культуре // Филология и философия в современном культурном пространстве : проблемы взаимодействия. – Томск, 2006. – С. 384-393.
30. Калиткина Г.В. Глубина темпорального континуума прошлого в традиционной культуре // Актуальные проблемы лингвистики. – Томск, 2006. – Вып. 3 : Языковые аспекты регионального существования человека. – С. 240-248.
31. Калиткина Г.В. Темпоральные структуры повседневности в языковом коде // Русский язык: исторические судьбы и современность : III Международный конгресс исследователей русского языка : труды и материалы. – М., 2007. – С. 381-382.
32. Калиткина Г.В. «Старые люди» в диалектном дискурсе // Вестник Кокшетауского государственного университета им. Ш.Ш. Уалиханова. Сер. филологическая. – 2008. – № 1-2. – С. 57-60.
32. Калиткина Г.В. «Старые вещи» в диалектном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология : научный журнал. – 2008. – № 1(2). – С. 5-17.
33. Калиткина Г.В. Концептуальный слой СТАРОСТЬ в среднеобских говорах // Язык. Человек. Ментальность. Культура : в 2 ч. – Омск, 2008. – Ч. 1. – С. 84-90.
34. Калиткина Г.В. Концепты ГОДЫ (ГОДА) как «переменные» концептосферы традиционной культуры // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка : труды и материалы. – М., 2010. – С. 251-252.